

Фантастические миры

Константин КАЛБАЗОВ

Арт
Семьдесят пятый

Константин Георгиевич Калбазов

Арт. Семьдесят пятый

Серия «Арт», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74273696

Аннотация

У меня был выбор – провести остаток жизни прикованным к постели инвалидом или же поверить безумным бредням о параллельных мирах и получить новую жизнь. Я решил рискнуть.

На дворе тысяча восемьсот пятьдесят четвёртый год. Российская империя. Только на престоле не Романовы, а Рюриковичи. И мир магический. К такому меня точно не готовили. Но, с другой стороны, я не крепостной, а одарённый дворянин, что уже неплохо. И мне теперь четырнадцать, что просто замечательно!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	46
Глава 5	62
Глава 6	77
Глава 7	91
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Константин Калбазов

Арт. Семьдесят пятый

Глава 1

Семьдесят пятый

– Арт, справа! – раздался в гарнитуре голос Батона.

– Вижу, – коротко бросил я, отслеживая стремительное приближение дрона, идущего нам на пересечку.

– Стреляй! – вновь выкрикнул тот.

– Не мельтеши, Батон. Судак, не ёрзай, держи руль прямо, – осадив товарища, приказал я водиле.

Пикап нёсся по полевой дороге почти как по асфальту. Земля влажная и никакого пыльного шлейфа. Сворачивать в давно заброшенное поле – идея дурная, там может быть всё, что угодно: от неразорвавшихся снарядов до заросших старых воронок. Да даже банальная железка, притаившаяся в бурьяне, может стать фатальной.

Можно остановиться и выпрыгнуть из машины, но это будет только отсрочка неизбежного. На нас нацелились как минимум сразу четверо дроноводов, и долбить будут, пока не достанут. В то, что у них закончатся эфпивишки раньше, чем у меня патроны, верится с трудом. Я, конечно, хороший

стрелок, но и эта птичка – не утка на охоте. И уж точно не тарелочка на стенде. Знаю, о чём говорю, ведь за последние три года успел попробовать и то и другое.

Дрон настигал нас, мечась из стороны в сторону. Пора! Я нажал на спусковой крючок, и «Вепрь» двенадцатого калибра, грохнув, весомо толкнул меня в плечо. Мимо! Ещё два выстрела и квадрокоптер, описав короткую дугу, врезался в землю.

Отметив это лишь краем сознания, я тут же сосредоточил своё внимание на второй птичке, несущейся к нам строго сзади. Этого достал вторым выстрелом, так же заставив зарыться в высокой траве.

– Впереди! – вновь раздался в гарнитуре выкрик Батона.

От него с пулемётом толку в этом противостоянии чуть да маленько. Если чем и может помочь, то лишь в качестве наблюдателя. Потому и сидит в кабине рядом с водилой, чтобы не мешаться под рукой.

Я резко обернулся, едва не упав на дрожащий под ногами пол кузова пикапа. Так-то привязался ремённой системой, но особой устойчивостью этот метод не отличается. Однако пока я справляюсь. В смысле – справляюсь. Никаких пока! Ведь мою ошибку или нерасторопность вражеские дроноводы нам не простят.

Вообще, конечно, мрак. Управлять этими птичками вполне могут мальчишки батаны, которых легко перешибить соплём. Но вот сейчас трое здоровых мужиков, у которых за пле-

чами три года штурмов и даже рукопашных, петляют от них как зайцы.

В лоб нам летел очередной винтокрыл, мать его через ко-ромысло. Учитывая же и нашу скорость, сближались мы реально стремительно. Я едва успел навестись в его сторону и нажать на спусковой крючок. Хорошо хоть, летел он строго по прямой. То ли неопытный оператор, то ли сказывалась высокая скорость сближения, или была ещё какая причина. Мне как-то не до разбора причинно-следственных связей.

Попал первым же выстрелом, да так удачно, что его заряд рванул метрах в двадцати от нас. Рядом со мной с пугающим шорохом пролетел какой-то обломок коптера, что-то влетело в лобовое стекло, отозвавшись хрустом треснувшего три-плекса. Я непроизвольно присел, укрывшись за кабиной. Но тут же выпрямился в поисках очередной птички. Точно помню, что их было четыре.

– Арт, слева! – на этот раз заголосил Судак.

Четыре выстрела, и только последним я сумел-таки достать коптер, рухнувший на дорогу едва ли не под наши колёса. Я невольно даже выматерился, ожидая подрыва. Но, видать, дробь «нулёвка» что-то там повредила помимо двигателя или винтов, потому что дрон лишь подпрыгнул и, кувыркнувшись по укатанной дороге, беспомощно замер.

– Мля, Арт, да ты просто волшебник! – выкрикнул Батон.

Причём орал он так громко, что нужды в гарнитуре никакой, его и так отлично слышно. Ну что сказать, мы и впрямь

прошли по краю. Остаётся только надеяться, что успеем убраться за границу радиуса действия команды, что нас гоняла. Останемся, и нас один хрен достанут.

Сбросил в сумку израсходованный магазин и вогнал в приёмное окно следующий. Передёрнул затвор. Всё. Готов драться. Но лучше не надо. Хватит с нас. Сидит во мне нехорошее чувство, что на сегодня лимит везения мы выбрали до предела. Дальше только линять так быстро, как только возможно.

Ч-чёрт! Опять дроны. Два. Заходят с двух сторон и идут синхронно. Если так же атакуют, то сбить я успею максимум одного, второй непременно достанет.

– Судак, тормози! Из машины!

Задавать лишние вопросы в подобных ситуациях не принято. Колёса встали колом, зубатые покрышки вгрызлись во влажную землю, сгребая её протектором. Меня бросило на кабину, и если бы не ремни, то я улетел бы к Бениной маме. Машину протащило несколько метров, и она замерла. Двери распахнулись практически синхронно, и из них вывалились Судак с Батоном.

Отстегнуться я уже не успевал. Вместо этого вскинул дробовик и тремя выстрелами достал дрон справа. На левый отреагировать ещё успел и даже один раз выстрелил, но, к сожалению, не попал. Или попал, но птичка всё одно сумела до меня дотянуться. Этого я уже не понял, потому что перед взором возникла вспышка, сменившаяся темнотой...

Я открыл глаза, уставившись в белый потолок. Опять этот сон и мой последний бой. М-да. Скорее уж попытка выжить. Так и не знаю, кто же нас тогда достал. Вернее – меня. Парни успели отбежать, сумели скрыться в зелёнке от коптеров-разведчиков и вытащить меня. Ну или то, что осталось от моей тушки.

Зачесалась правая рука, и я тяжело вздохнул, набираясь терпения, чтобы переждать этот зуд. В этом случае лучше всего думать о чём-то другом, желательно увлекательном, иначе пытка может длиться часами, ведь чесать мне попросту нечего. Да и нечем, если что. После того взрыва я превратился в обрубок, ни рук, ни ног. Сегодня, конечно, протезирование дошло до чудес, но вот мне как-то не хочется превращаться в довесок.

Лучше бы Батон и Судак оставили меня там, в поле. Хотя-я-я, что я говорю? Я и сам не смог бы так поступить, и дело не в громких словах – «мы своих не бросаем». Потому что мы реально не бросаем, стараемся даже вытащить тела павших. Просто не можем иначе. Не для красивого словца, а для самих себя, чтобы не стыдно было смотреться в зеркало и не скрежетать зубами из-за невозможности исправить прошлое...

На войне я оказался не по велению сердца или из желания поправить свои финансовые трудности. С деньгами у меня всё нормально, я владелец строительной фирмы. А потому

средств хватает с избытком, чтобы помочь как двум сыновьям с дочерью, которые сейчас и рулят семейным предприятием, так и пока ещё четверым внукам. Дети обещали не останавливаться на достигнутом...

Я родился и вырос в СССР, хотел стать художником и даже поступил в художественное училище, так и не сумев его закончить. Так уж вышло, что парнем я рос горячим и никому не давал спуска, сам бил морды, получал по сусалам, утирал юшку и снова лез в драку. Ну и допрыгался, едва не пошёл по хулиганке, спасибо директору художки, который договорился с военкомом, и меня забрали в армию.

Служил в стройбате. И, признаться, рад, что всё обернулось именно так, а не иначе. Никогда не хотел быть военным, не моё это. Во всяком случае, в мирное время точно. Но за два года в «королевских» войсках я успел приобрести несколько строительных специальностей. И по трём даже получить корочки.

Когда вернулся на гражданку, Союз уже развалился. Рисовать я любил и получал от этого настоящее удовольствие, но зарабатывать этим не получалось. Какие картины, когда в стране впервые за несколько десятилетий появился голод. Зато были растущие из нужного места руки и пышущее здоровьем тело.

Девяностые были тяжёлыми, это факт. Как и то, что в стране начался самый настоящий строительный бум. Кто-то уезжал за границу и, сидя там впроголодь, зарабатывал бак-

сы, возвращаясь потом с таким видом, словно джек-пот сорвал, ещё и жизни поучал. Я же решил, что если и поеду по заграницам, то только на отдых, поэтому работал дома.

И получалось у меня довольно неплохо. Сначала с напарником шабашил по стройкам, потом сбил комплексную бригаду, а с годами дошло и до выкупа участков с последующей их застройкой. На сегодняшний день наша контора ведущая в городе, строим коттеджи под ключ. Подняли целый микрорайон с детским садом, магазинами и некоторыми предприятиями в сфере услуг. Организовали ТСЖ микрорайона, которым успешно рулит моя дочь.

И всё это время я не прекращал рисовать, потому что тяга к карандашу и мольберту никуда не пропала. Кто-то стремился на рыбалку, другие – на охоту, я же брался за карандаш. Даже когда выезжали на отдых, пока мои наслаждались пляжем и морем, я устраивался где-нибудь на набережной или у бассейна в гостинице и рисовал отдыхающих за символический рубль.

И всё было хорошо, пока три года назад не погибла в автотрагедии моя жена. Не знал, что может быть так хреново. Просто никогда не задумывался над этим и даже мысли такой не допускал. И тут вдруг...

Потом была мобилизация на СВО. Мне на тот момент стукнуло уже пятьдесят три, и меня вызвали по ошибке, мог спокойно указать на этот факт и остаться дома. Но отчего-то подумалось, что когда-то вот так же, совершенно случайно

оказавшись в армии, я нашёл свой путь в жизни. Вдруг это шанс, чтобы заполнить возникшую пустоту, встряхнуться и обрести новый смысл.

В учебном центре выяснились два момента. Во-первых, это весьма скудное снабжение. Хорошо хоть, с деньгами никаких трудностей. Дети моего решения не поняли, что не помешало им принять самое активное участие в моей экипировке и регулярно отправлять мне посылки. Чуть позже, когда устоялись взаимоотношения в отделении, я стал помогать с экипировкой и сослуживцам.

К слову, все ребята были младше меня минимум на восемнадцать лет. Думал, станут называть дедом, но получился дядькой. Хотели даже такой позывной мне присвоить, но потом им на глаза попались мои рисунки. Парни безапелляционно сошлись на том, что я, конечно, дядя Руслан, но позывной у меня будет Арт. Оно и созвучно моему полному имени получилось – Антонов Руслан Тимурович. Впрочем, в быту так и остался дядей.

Во-вторых, как оказалось, я хорошо стреляю. Так-то мне это было известно и раньше, кто из нас не бывал в тире. Опять же, в школе была начальная военная подготовка. Но как выяснилось, хорошо стрелять в спокойной обстановке и в условиях стресса – совершенно разные вещи. И мой зашкаливающий адреналин ничуть мне не мешает сохранять хладнокровие и не вызывает дрожи в руках. Меня даже хотели в снайперы определить, но я отказался, потому как там

нужна адова выдержка. Лежать чёрт знает сколько в засаде ради одного-двух выстрелов? Да лучше сразу грохните.

Зато, когда FPV-дроны превратились в настоящую проблему, мои таланты в стрельбе пришлись весьма к месту. Для начала я подмазал нашего оружейника и раздобыл «Вепрь» двенадцатого калибра. Стенд и тарелочки смастерили сами, благо в инете хватает роликов на эту тему, а в отделении нашлись рукастые парни. Так-то мог бы и детям заказать, но парни заегазились, когда нас в очередной раз отвели на отдых, ну и у самого в заднице засвербело.

С тех пор я позабыл-позабросил свой автомат, который перекочевал на склад, а за основной ствол у меня стал «Вепрь». Не считал, сколько подстрелил дронов, но много, очень много. А случалось, так и на охоту ходил стрелять уток. Оно вроде как и тренировка, и в то же время неплохое дополнение к столу. Даже рыбачил с его помощью, когда после разлива вода ушла, и рыба оказалась в ловушке мелко-водья...

– Здравствуйте.

Я отвлёкся от своих мыслей, отметив, что зуд в отсутствующей руке меня больше не донимает. Повернув голову к входу в палату, посмотрел на вошедшего мужчину. По виду мой ровесник, полный, если не сказать толстый. Залысины на лбу, лицо круглое, лоснящееся, губы тонкие, нос мясистый. Вообще внешность отталкивающая и просит кирпича. В особенности глаза, в которые так и тянет ткнуть пальцами,

чтобы не таращился. Потому что взгляд у него... Плотоядный. Да, именно такой. Он смотрит на меня, словно на добычу. Оценивающе, самодовольно и с полной уверенностью в том, что я никуда не денусь. Вообще-то, не лишено смысла. Я сейчас вообще беспомощен.

– Кто вы? – и не подумав здороваться с этим типом, спросил я.

– Щербаков Макар Ефимович, доктор физико-математических наук, руководитель проекта «Пилигрим».

– Мне это о чём-то должно сказать? – хмыкнул я.

– Пока нет. Но у вас есть возможность узнать о нём более подробно, – произнёс он, без приглашения присаживаясь на стул у моей койки.

– Нужна подопытная свинка? – вновь хмыкнул я.

– Необходим участник проекта, – без тени иронии возразил он.

– Учитывая отсутствие у меня рук и ног, вам нужна именно свинка.

– Главное, что у вас всё в порядке с головой. Ни руки, ни ноги, ни вообще ваше тело для нашего проекта не понадобятся. Нам нужна только матрица вашего сознания.

– Что, простите?

– Матрица сознания, которую мы сможем поместить в другое тело и в другом мире. Слышали что-нибудь о мультивселенной?

– Что-то вроде параллельных миров? Есть у нас двое пар-

ней в отделении, которые увлекаются фантастикой. Как они говорят, книгами про попаданцев в прошлое или параллельные миры.

– Так вот, Руслан Тимурович, это не фантастика, а реальность. Мы научились взаимодействовать с единым информационным полем Земли. Именно благодаря ему нам удаётся отправлять в путешествие сознание имеющих высокую степень совместимости. При проведении томографии у вас выявлена эта самая совместимость. Девяносто семь процентов. Это очень много.

– Допустим. Но зачем это нужно мне?

– Вы хотите вновь ощутить себя полностью здоровым и дееспособным?

– Издеваетесь?

– Ни в коем случае. Мы введём вас в кому, после чего подключим к единому информационному полю Земли, ЕИ-ПЗ. Выберем слой, ну или время, если хотите, хотя это будет другой параллельный мир, каковых великое множество. После чего начнём поиск реципиента для переноса вашей матрицы сознания в другое тело. Непременное условие – человек должен быть в состоянии клинической смерти в результате черепно-мозговой травмы. Подходит далеко не любой случай, а потому ни о какой конкретной личности говорить не приходится. Мы можем удерживать только волну мира и искать в ней будущего носителя. А из-за разницы течения времени в наших мирах здесь могут пройти минуты, а там

годы. Всё зависит от того, насколько далеко отстоит тот мир от нашего. Разница в двести лет ускоряет его бег там в двести раз.

– А если я окажусь в женском теле? – спросил я.

Не то чтобы меня это всерьёз заинтересовало, спросил просто для поддержания беседы. Признаться, посетителей у меня тут немного, а те редкие, что бывают, всё время смотрят на меня с жалостью. Детей и вовсе видеть не могу, потому как даже у старшего сына, известного своими грубыми манерами, глаза на мокром месте.

А этот яйцеголовый... В нём я не увидел вообще никакого сочувствия. И поначалу отталкивающая внешность и его оценивающий взгляд уже не вызывали у меня неприязни. Возможно потому, что он беседовал со мной на равных, а никак с беспомощным обрубком.

Грубо звучит. Знаю. Но ничего не могу с собой поделать. Моя беспомощность просто бесит! До зуда, мать его, в правой пятке! Которой у меня нет, ведь она осталась где-то в поле.

– Нет, с женским телом у вас будет несовместимость. А вот что касается возраста... От младенца до старца, – деловитым тоном возразил Щербаков.

– И в находящегося на смертном одре в том числе? – уточнил я.

– Только если он хорошенько так получил по голове, а не решил преставиться из-за окончания отмеренного ему сро-

ка.

– Получается, по факту вы убиваете прежнюю личность, подменяя её мною?

– Ничего подобного. В мозг, не готовый к восприятию новой матрицы, подселить сознание невозможно. Грубо говоря, клиническая смерть длится до шести минут. После этого начинаются необратимые процессы. То есть вы оказываетесь фактически в теле умершего человека и возрождаете его аки птица Феникс.

– Или превращаю в зомби.

– Поверьте, вы будете живее всех живых. Большинство наших пилигримов даже семьями обзаводятся. Один увлёкся настолько, что ходит в один из миров на регулярной основе в течение нескольких тамошних поколений и серьёзно изменил ход истории того слоя.

– А она схожа с нашим миром?

– Разумеется. Миры-то параллельные. Есть, конечно, и те, где случался какой-то сбой, как результат – ход событий там серьёзно отличается. Но это скорее исключения, которые лишь подтверждают правило.

– И какой я у вас по счёту?

– Людей, соответствующих требованиям, крайне мало. За прошедшие годы вы всего лишь семьдесят пятый.

– Юбилейный, значит, – хмыкнул я.

– Получается, что так, – зависнув на пару секунд, пожал плечами Щербаков.

– И как осуществляется переброс?

– Как я уже говорил, мы вводим вас в кому и подключаем к единому информационному полю Земли, ЕИПЗ. Затем осуществляем поиск реципиента и перенос сознания. После чего начинаем получать данные напрямую от вашего мозга посредством все того же поля...

Глава 2

Пилигрим

Ч-чё-ёрт! Больно-то как! Голова вот-вот расколется, как перезрелый арбуз. Мне говорили, что так и будет, вот только я и не представлял, что может быть настолько хреново. Теперь я как-то и не уверен в правильности принятого решения. Ибо получается, как в том анекдоте – лучше бы я умер вчера.

Руки сами собой потянулись к голове, и я сжал виски. Ломило так, что я просто задохнулся от боли, не в состоянии даже застонать. Впрочем, она довольно быстро начала отступать, но когда возможность издавать звуки всё же появилась, делать это расхотелось. А всё потому, что мне совсем не нравилось то, что я слышал, как и последние воспоминания реципиента, в которого меня угораздило попасть.

На нас... В смысле на них... Или всё же на нас... Господи, какая мешанина в голове, мысли в кучу не собрать. Двое бывалых пилигримов, с которыми мне удалось пообщаться, говорили, что с каждым разом подселение проходит всё проще. Но у меня-то первое. Они же советовали после переноса лишний раз не суетиться и быть крайне осторожным.

Черепно-мозговая травма зачастую означает насилие, матрица же сознания подселяется в момент клинической

смерти, а это считанные минуты. Иными словами, в момент переноса враги реципиента всё ещё могут быть на месте и попросту добьют его. И судя по доносящимся до меня звукам, разбойники, напавшие на нашу карету, всё ещё здесь и заняты разграблением нашего багажа. И не только этим...

– Лёшка, крепче держи эту суку, – зло бросил хриплый мужской голос в отдалении от меня.

– А ну как волхвством своим шарехнет, – возразил, похоже, тот самый Лёшка.

– Да пустая она. А без Силы это простая баба. Ну ты! Хоть трепыхнись, тварь! Как в бревно тыкаю. – И хлёткая пощёчина, вырвавшая короткий женский вскрик.

Весело. В памяти вновь всплыли ближайшие воспоминания. Мы с матерью ехали в карете, когда на нас напали разбойники. Кучера и лакея сняли первыми же выстрелами. Матушка выскочила из ловушки кареты, чтобы встретить нападавших лицом к лицу. Успела выкрикнуть, чтобы я вооружился её пистолетами. Я успел извлечь их из футляра и даже вышел наружу, но воспользоваться оружием не сумел, получив саблей по голове. Похоже, вскользь, коль скоро черепушку не раскроили.

Теперь мать насильовали, а меня, судя по всему, сочли мёртвым. Именно такие выводы напрашивались сами собой. И как бы мне не было хреново, заниматься своим здоровьем сейчас никак нельзя. Для начала не помешало бы озаботиться безопасностью. А это не так чтобы и просто. Как

рассказывали бывалые путешественники, мне ещё предстоит научиться обращаться со своими конечностями. Но выхода, пожалуй, нет.

Я открыл глаза, и по ним тут же резанул свет. Быстро проморгался. Картинка мутная, к горлу подкатывает ком, но в общем и целом вроде как терпимо. Пока. А значит, идём дальше...

Пальцы непроизвольно сжались, царапнув ногтями влажную землю и потянув травинки с корешками. Пальцы?! Это не фантомные зуд или боль, а самые настоящие. Потому что при фантомных я не чувствовал внешних раздражителей, все ощущения словно рождались внутри отсутствующих конечностей. А тут трава, земля, какой-то сучок! Я его не вижу, но никаких сомнений, это он и есть!

– Хватит вам зубоскалить, управляйтесь быстрее. Через полчаса она начнёт набираться Силой, – с ленцой прозвучал другой голос.

Я повернул голову на его звук и увидел шагах в трёх от себя спину сидящего мужчины, покрытую плащом, на голове шляпа с широкими полями.

– Но ты ить нам поможешь, барин, случись, она в силу войдёт? – слышался голос того самого хриплого.

Я слегка повернул голову, желая увидеть говорившего, и мне это удалось. Тот находился чуть дальше спиной к нам и ритмично двигался, устроившись меж раскиданных женских ног и задранной юбки. Ещё двое субчиков держали пленни-

цу, навалившись на её руки. При этом не сводили с неё своих похотливых взглядов.

– Может, мне ещё и о твоей мужской силе позаботиться, – хмыкнул барин и с прежней ленцой добавил: – Сами управ-
ляйтесь, коль скоро захотелось благородного мяса. Тем бо-
лее что без рунных перстней она не так уж и опасна.

Слушая это, я прикидывал свои шансы на бегство. Жен-
щину жалко. И после мне будет стыдно, но драться я сейчас
не в состоянии. Хм. Как, впрочем, и сбежать. Тело меня вро-
де как и слушается, но в то же время словно какое-то ино-
родное, потому как не моё, и мне с ним нужно ещё обвык-
нуться. А потому и выбора нет. Придётся драться.

Рядом заметил толстую палку, обычный обломок валеж-
ника, но сейчас это куда лучше, чем ничего. Дотянулся до
него и сжал пальцами. Шершавая иссушенная кора вреза-
лась в кожу, и я чуть не задохнулся от охвативших меня но-
вых старых ощущений. Прежде я не предавал этому никако-
го значения, воспринимая как должное. Нужно было поте-
рять руки и пролежать в госпитале обрубком несколько ме-
сяцев, чтобы научиться ценить вот такую малость. Настоль-
ко, чтобы обращать на это внимание в столь непростой мо-
мент.

Впрочем, я довольно быстро собрался. Спасибо послед-
ним трём годам, проведённым на передке. Сжав палку, под-
тянул руки под себя и толкнул неожиданно тяжёлое тело. По-
лучается не очень, потому как и конечности пока слушаются

плохо, и прилёт в голову не прошёл бесследно. Припомнил совет бывалых пилигримов и постарался отстраниться, чтобы управлять телом как бы со стороны. Как ни странно, но получилось практически сразу. И действительно, тело стало слушаться куда лучше. Не то чтобы всё сразу наладилось, но в моём состоянии прогресс ощутил тут же.

Оставаясь незамеченным, сначала поднялся на колени. Потом, опёршись о палку, встал на трясущиеся ноги. На пару секунд задержался в таком положении. Понимаю, что время уходит как вода в решето, что в любое мгновение меня могут заметить. Да хоть кто-то из двух похотливых кобелей, что держат мать реципиента за руки, отведут взгляд от её прелестей, и мне конец. Но и поделать с собой ничего не могу. Чувствую, что если поспешу, то просто упаду.

Взгляд на барина. Тот всё так же сидит ко мне спиной и ковыряется в шкатулке с матушкиными украшениями. Не сказать, что они представляли собой большую ценность и достойны особого внимания. Скорее всего, он просто решил чем-то себя занять, пока его люди удовлетворяли свою похоть.

Рядом открытый футляр с парой матушкиных пистолетов. Похоже, подобрали и вернули на место. Если что, достаточно дорогой трофей. Двустольные вертикалки с колесцовыми замками и изящной серебряной насечкой. Сквозь мешанину бесконечных мыслеобразов реципиента я сумел выцепить информацию о них. Стволы не проворачивающиеся,

что только радует, так как времени возиться с этим у меня попросту не будет. Замки уже взведены, их всего-то и нужно снять с предохранителей. Окажись они батарейными, в смысле курковыми, и не факт, что я успею их взвести. Отчего-то подумалось, что лучше бы они и вовсе были рунными, но я отмахнулся от этой мысли, мне сейчас только непонятностей не хватало. Калибр по местным меркам мелковат, всего-то полдюйма, что и неудивительно, так как оружие сделано под женскую руку. Я так и не успел ими воспользоваться, и они должны быть заряжены.

Отметил это походя, пока приближался к главарю, заноса для удара свою дубину. Тот меня так и не услышал, иначе, полагаю, я скоренько вернулся бы обратно в свой мир к моей покоцанной тушке. Ему же хуже. Дубинка описала дугу и с глухим стуком опустилась на темечко разбойника. Бил я от души, вкладывая все имеющиеся силы, потому как второй попытки у меня не будет.

Названный барином отвалился влево, словно манекен, не проронив ни звука. Я же рухнул на колени, успев опереться на дрын. Позволил себе пару секунд на то, чтобы хоть чуток прийти в себя и унять головокружение. Вот только расслабляться некогда. Едва не упав, потянулся обоими руками к пистолетам в футляре и дрожащими пальцами ухватил их рукояти. Оттолкнулся, выпрямляясь на коленях, и отпихивая от себя лакированную деревянную коробку.

Оружие мне совершенно незнакомо, но память реципиен-

та услужливо подсказывает расположение шпенок предохранителей. Отжав шпенёк на одном, я поднял оба пистолета. Увы, но с двух рук стрелять не умею. Если верить моим консультантам, то в будущем мне такое будет доступно, но точно не сейчас. И вообще гладкоствольный кремнёвый пистолет не отличается точностью, вовсе не то, чего я ожидал. Или этот мир и есть то самое исключение, подтверждающее правило? Разобраться в этом пока нет времени, но не отпускает уверенность, что так оно и есть.

Я прицелился в насильника и нажал на спусковой крючок. Грохот выстрела, выметнувшееся из ствола молочно-белое, быстро поднимающееся вверх и истаивающее облачко порохового дыма. Сквозь белёсую завесу вижу, как разбойник выгнулся дугой и тут же опал на свою жертву.

Двое, удерживавшие её за руки, в недоумении посмотрели в мою сторону, силясь понять, что происходит. Я же, не теряя времени, навёл ствол на правого. Выстрел! Завеса стала более плотной, хотя всё ещё не застилающая взор. Бандит откинулся на спину, царапая свою грудь, куда прилетел свинцовый шарик.

Я выронил разряженный пистолет и переложил в правую руку второй. Большой палец уже привычно нащупал шпенёк и вдавил его, снимая колесцовые замки с предохранителя. Третий насильник вскочил на ноги, уже выхватив нож. Нас разделяло едва ли шесть-семь шагов, но я всё же успел изготовить пистолет к бою и выстрелить. Противник схватил пу-

лю на бегу и, скрутившись, упал в траву, чуть проехавшись по ней, и скрючился, зажимая рану на животе.

Из-за кареты выбежал пятый налётчик, которого я до этого не видел. Он с ходу выстрелил в меня из пистолета, и пуля обожгла левую щеку. Больно! Но война из меня ещё не успела выветриться, и мною уже овладела горячка боя, а по венам огнём струится адреналин. Я дёрнулся, на мгновение потеряв противника из виду, но в следующее уже взял его на прицел. Тот набегал на меня, выхватив саблю, но после грохота выстрела его ноги подогнулись. Он упал сначала на колени, чуть проехавшись по траве, а потом бездушной куклой на землю. Голова глухо стукнулась о наезженную колею, и он замер, не подавая признаков жизни.

Даже если опасность ещё и не миновала, больше я сделать ничего не могу. Пистолеты разряжены. В рукопашную вступать бесполезно, потому что я сейчас, как паралитик, практически не владею телом. Да ещё и этот откат, тошнотворный ком так и рвётся наружу. Я согнулся, упёршись руками в траву, и меня тут же вырвало. Раз. Другой. Третий. Всё. Больше ничего не осталось, лишь обжёгшая пищевод желчь. О дурноте меня так же предупреждали. Как и о том, что я вот-вот вырублюсь.

Стоп! Пятый налётчик. В смысле первый, он же главарь. Я его приголубил дубиной, но сомневаюсь, что моих сил хватило на то, чтобы проломить ему черепушку. Выпрямившись, обернулся в его сторону. Тот неподвижно лежит на бо-

ку и решительно непонятно, то ли жив, то ли мёртв. Во всяком случае, я сейчас не в том состоянии, чтобы определить это с ходу. А потому будем действовать радикально.

Потянул из ножен на поясе оглушённого нож с обычной оплетённой кожей рукоятью и гардой в виде небольшой крестовины, обоюдоострое лезвие с затейливой угловатой насечкой. Это всё же, наверное, кинжал, а не нож. Впрочем, какая разница. Особо раздумывать некогда, поэтому я без затей сунул его в область сердца неподвижного налётчика.

Что я сделал не так? Сначала руку, а потом всё тело охватила жгучая боль. По венам словно заструился огонь, а меня начало распирать изнутри. Казалось, вот-вот полопаются вены и взорвётся кожа, выплёскивая кровь наружу. Несмотря на адскую боль, я даже взглянул на руку, ожидая увидеть вздувшиеся вены, но ничего такого не обнаружил. Попытался разжать пальцы, чтобы выпустить рукоять кинжала, но у меня ничего не получилось, будто я схватил оголённые провода под напряжением. Секунда, другая, и моё сознание померкло...

* * *

Щербаков закончил проверку очередного пакета данных и выключил стационарный компьютер, не имеющий выхода в интернет. В научном центре лишь внутренняя сеть, работникам разрешалось иметь только служебные гаджеты без вы-

хода во всемирную паутину. Все работы имели наивысший гриф секретности.

Какой смысл в путешествиях в параллельные миры, коль скоро не получится вынести оттуда ничего материального? Ну это как сказать. Например, есть вариант извлечь утраченные знания. Седая старина и ушедший далеко вперёд прогресс? Всё так. Но и в прошлом есть чем поживиться.

Так кураторов из ФСБ заинтересовал один занятный препарат, оказавшийся сывороткой правды. И рецепт его обнаружился в двенадцатом веке. Причём простота изготовления и эффективность были просто поразительными. Его можно изготовить буквально на коленке, была бы поблизости самая обычная аптека.

А чего стоит утраченный способ Филиппова Михаила Михайловича передачи энергии взрыва на расстояние? Да одно только это уже оправдывало все многолетние затраты на проект. Ядерное оружие не идёт ни в какое сравнение с такой технологией.

Какой-нибудь полигон в глухой тайге, с которого можно разрушить любой объект если не с наружи, то изнутри, достаточно иметь точные координаты. А уж с этим-то сегодня проблем никаких. От такого оружия в буквальном смысле этого слова нет никакой защиты. И, насколько известно Щербакову, первые удары уже имели место. Но пока их выдают за техногенные катастрофы. Ведь передаётся лишь энергия взрыва, никаких следов взрывчатки или вмешатель-

ства извне.

Правда, сейчас руководство куда больше заинтересовано в проекте «Оракул». Очень уж находящимся во власти хочется заглянуть в будущее. Факт изменения прошлого в параллельных мирах означает то, что возможно менять и текущее настоящее, если только знать грядущее.

Предсказатели всех пошибов это всего лишь гадалки на кофейной гуще. Верны ли их прогнозы или нет, получится узнать лишь на практике. Ну или на своей шкуре. А вот параллельные миры, имеющие свой генеральный курс, куда эффективней.

Но тут учёным пока похвастать нечем. Потому и занимаются изысканиями в прошлом, чтобы доказать свою полезность в настоящем. Сейчас нацелились на наследие Теслы. Вне всяких сомнений, эти материалы будут иметь важную научную ценность. Приставили к учёному в одном из миров пилигрима, который втирается к нему в доверие, чтобы добраться до архива.

И в успехе сомневаться не приходится. Не выйдет в этом, попробуют в другом. В конце концов в их распоряжении бесконечное количество слоёв. А как гласит известная поговорка – если долго мучиться, то что-нибудь получится...

Потянувшись, Щербаков встряхнулся, как довольный кот, и направился в операторский блок. Можно, конечно, связаться и по внутренней связи, но в последнее время ему не нравилось работать по удалёнке. С некоторых пор он пред-

почитают общаться с сотрудниками лично, видеть всё собственными глазами и щупать своими руками.

– Ну и что тут у нас, Аркадий? Как успехи с семьдесят пятым? – войдя в операторскую, поинтересовался он.

– Боюсь, что мы имеем очередной сбой. Канал устойчивый, но связи с пилигримом нет. Одни сплошные помехи. Стимуляция не помогает. Картина один в один, как и с Шелестом.

– Не говори ерунды. У Шелеста было всего лишь пятьдесят процентов совместимости, а у Арта целых девяносто семь. Практически идеальный кандидат, – возразил Щербаков, подступаясь к компьютеру.

– И тем не менее имеем то, что имеем. При устойчивом канале одни сплошные помехи. И вернуть матрицу сознания никакой возможности. Шелест уже полгода в Архиве.

Архив – это отдельный блок, где находились тела тех, с кем связь была утрачена. Тщательный уход, а при необходимости и лечение, ибо нередко участниками проекта становились безнадежно больные. Однако источённые болезнями тела постепенно не выдерживали и умирали, а матрицы сознания так и терялись где-то на просторах единого информационного поля Земли. Но во всех случаях канал связи просто обрывался. Подобный же случай был только вторым по счёту. Ну или уже вторым.

Правда, канал связи с Шелестом был утрачен тридцать пять дней назад. Обычно такое происходит, когда реципиент

погибает, и тогда матрица сознания пилигрима возвращается обратно. С Шелестом этого не произошло, и тело продолжает находиться в искусственной коме. К слову, если утрату канала связи принять как гибель реципиента, то получается, что он прожил в том мире порядка ста лет. Так-то...

– Предлагаешь и Арта поместить в Архив? – Пальцы Щербакова с характерным клацаньем порхают над клавиатурой.

– А что мы ещё можем сделать? – пожал плечами оператор.

– Аркадий, а ты не находишь, что в этих двух случаях параметры канала связи и помех в некотором роде схожие, – указывая на экран с выведенными графиками и данными, произнёс Щербаков.

– Да, весьма схожи. Но это разные слои, Макар Ефимович. В слое Шелеста по тамошним меркам должен пройти сто тридцать один год. То есть там сейчас тысяча восемьсот семьдесят седьмой год. А мы отправили Арта в восемьсот пятьдесят четвёртый. Двадцать три года слишком большой зазор, чтобы мы настолько промахнулись.

– Согласен, так промахнуться мы не могли, – задумчиво произнёс Щербаков.

– Тогда получается, что у этих миров схожие характеристики, отличные от других, – предположил Аркадий.

– И в чём их отличие?

– Не знаю.

– Вот и я не знаю. Слишком мало данных.

– И как нам поступить?

– Переводи Арта в Архив. И веди постоянный мониторинг.

– Ясно. А с Шелестом как быть? Отключаем?

– Ни в коем случае. Держите тело в коме до последней возможности. Быть может, его матрица просто заблудилась в ЕИПЗ и сможет-таки найти дорогу домой. Если такое случится, то полученные данные могут дать новый толчок в наших исследованиях. Так что продолжайте уход за Шелестом и проводите постоянный мониторинг.

– Принял, Макар Ефимович, – с готовностью кивнул Аркадий.

Глава 3

Мать и сын

– Рома. Рома, очнись. Ромашка.

Кто-то усилено звал какого-то Рому. Ну а меня-то зачем трясти как грушу? Моя голова, между прочим, вот-вот лопнет, как переспелый арбуз. Мысли смешались в непередаваемый калейдоскоп. В башке такая мешанина из всего подряд, что невозможно ухватить хоть какую-то связную мысль. А тут ещё и эта тряска, всякий раз отдающаяся острой болью, словно в мозг раскалённые иглы втыкают.

– Не тряси, – слабым голосом попросил я.

– Жив! Господи, живой! – воскликнул женский голос.

Меня тут же прижали к груди. Мужики, наверное, узнают эту особую упругую мягкость и податливость в любой ситуации. А ещё запах. Так пахнут только женщины. Правда, этот отчего-то не будоражит кровь, а дарит успокоение и чувство защищённости. Кровь? Да, от неё явственно пахнет кровью, этот запах ни с чем не спутаешь. Впрочем, тут его несёт ото всюду. Что немудрено.

Ага. Вот молодец. Подумать же больше не о чем. Тут за малым не сдох, и пока непонятно, миновала ли опасность, а я херней маюсь. Да ладно. Хорошо хоть, о чём-то могу думать с таким бардаком в башке.

– Отпусти, – вновь попросил я.

Ничего не имею против женских объятий, но мне и так хреново, а тут ещё и дышать трудно. Послушалась, опустила голову на траву, прохладные пальцы ласково огладили овал моего лица.

– Я немного полежу и приду в себя. Хорошо? – глядя в незнакомое и в то же время родное лицо, попросил я.

– Да, да, конечно. Полежи. Главное, что ты жив. А я пока тут разберусь.

С чем она там собралась разбираться, бог весть. А вот мне пора припомнить советы от бывалых пилигримов и изученные инструкции. Необходимо как можно скорее разобраться с памятью. Она у меня теперь абсолютная. И если кто-то полагает, что это благо, то сильно ошибается. В первую очередь это головная боль. Причём вполне себе осязаемая. Потому что этим инструментом ещё нужно научиться пользоваться. Вот после – да, переоценить такой подарок трудно. Но сейчас необходимо привести всё в норму.

Представьте себе: вы подумали о колодце, и в вашей голове тут же взрывается целый каскад мыслей, так или иначе связанных не только с этим понятием, но и со словом вообще. Информации настолько много, что голова буквально раскалывается. Поэтому едва ли не первое, что нужно сделать, это найти тихий уголок и постараться разложить память по полочкам. Как в картотеке, ибо мой мозг теперь подобен жёсткому диску компьютера, и я помню всё. Каж-

дое слово, произнесённое кем-либо в моём присутствии даже в младенчестве. Каждую травинку или росинку, видимую мною даже мельком. Просто потрясающий инструмент, но мне ещё предстоит научиться им пользоваться.

Один минус – это относится только к памяти реципиентов. При последующих путешествиях по мирам эту память я унесу с собой, что же касается моей реальной личности, то там всё, как и прежде. «Тут помню. Тут не помню. Тут... Погоди, погоди. Нет, не помню». Как-то так. Разумеется, если вспомню что-то из прежних знаний, то запомню навсегда. Но если чего-то не помню, значит, не помню.

Поэтому на инструктаже перед отправкой мне настоятельно советовали наметить себе ряд моментов, которые могут понадобиться в эпохе, куда я отправляюсь, и по прибытии непременно прокрутить их в голове. Это требовалось сделать в первую очередь, ибо память реципиента никуда не денется, а из своих воспоминаний, если я что-то позабуду, то придётся вспоминать долго и упорно, и не факт, что из этого что-то получится.

Для лучшей усвояемости материала мне его мало что давали прочитать, так ещё и показывали обучающие видеоролики. Хороший метод, рабочий. Но ты поди прокрути в голове нечто важное на данный момент, если мысли роятся в голове в непередаваемом сумасшедшем калейдоскопе.

Мне надоело бороться с этой мешаниной, и, следуя инструкции, я начал раскладывать память по полочкам, начи-

ная с самого младенчества. Вернее, я задал мозгу курс или, если хотите, алгоритм, после чего благополучно отключился. Ибо перелопатить столь огромный объём информации не под силу никому...

Без понятия, сколько я пролежал в беспмятстве, но, когда открыл глаза, солнце уже клонилось к закату. Мать реципиента меня не трогала. Во всяком случае, я по-прежнему лежал там, где она меня и оставила. Разве только под голову подложила подушку из кареты да накрыла плащом...

Итак, я попал, так попал. Ну или меня заслали весьма удачно, если это в принципе можно назвать удачей, ибо ни о чём подобном мне не рассказывали. Что я тут пытаюсь объяснить? К примеру, то, что этот мир магический. Самый натуральный, с волхвами, которые в Европе называются магами, у кочевников шаманами, а в Халифате факирами. Кроме них есть ещё и одарённые, способные оперировать Силой. Эти делятся на две категории: воины и рунные мастера. Удел первых это сражения. Вторые предоставляют им, как, впрочем, и себе, возможность использовать Силу посредством рунных амулетов и оружия.

Инициация одарённых происходит постепенно, и дар обычно проявляется к четырнадцати годам, после чего с ребёнком начинают заниматься родители или нанятый гувернёр. До восемнадцати лет обучение либо домашнее, либо в гимназии. После следует поступление в различные высшие учебные заведения, где смотрят не только на знания, но и на

развитие дара.

Словом, всё достаточно сложно. И вот так в двух словах и не расскажешь...

– Проснулся? – присаживаясь рядом и поправляя на мне плащ, заботливо спросила мать.

При этом держится совершенно спокойно, словно и не грабили нас совсем недавно с намерением лишить жизни. Её так и вовсе насиловали при сыне. Но она не подаёт виду, смотрит на меня с лаской и заботой. Материнское сердце всё же огромное. И пусть она мне по факту не мать, по груди разлилось тепло, а на губах сама собой появилась улыбка.

Она ответила мне тем же и вновь ласково провела пальцами по овалу лица. Хм. А ведь в тот момент, когда её насиловали, она простилась не только со своей жизнью, но и похоронила сына. Когда же тому потребовалась забота, нашла в себе силы отринуть свои переживания, чтобы позаботиться о чаде.

– Что же ты, Ромашка, творишь, бестолочь, – погладила она меня по волосам. – Позабыл то, о чём мы тебя с отцом твоим учили? Нельзя пользоваться чужим рунным оружием, если тебе доподлинно неведом его ранг. Эдак ведь можно все каналы сжечь и богу душу отдать.

Спрашивать, о чём она, я не стал. Приведённая в должный вид память услужливо преподнесла мне ответ. И действительно я совершил глупость вселенскую. В принципе, одарённые могут пользоваться рунным оружием более высоких

рангов. Иное дело, что задействовать их потенциал можно только равное по рангу оружие или младше.

Запрет распространяется только на рунное плетение «Упырь», ну или «Вампир» в той же Европе. И причина тут более чем серьёзная. Одарённые развиваются, увеличивая своё вместилище Силы. Добиться этого можно двумя путями. Первый медленный, это медитация, которой лучше не увлекаться, потому как можно уйти за край. Второй быстрый, через убийство одарённого, обратившегося зверя или поганого, то есть любого из обладателей Силы.

Но тут есть нюанс. Использовать при этом можно рунное оружие с плетением «Упырь» только меньшего или равного тебе ранга. В первом случае ты просто восполнишь вместилище Силы до полного объёма. Во втором зависит от того, насколько сильным окажется твой противник.

Если тот ниже на два ранга и более, то лишь восполнишь запас вместилища, да и то при значительной разнице не полностью. Младше на один ранг, и тогда твоё вместилище увеличится примерно на три процента. С равным тебе оно вырастет на пять. Рангом старше – на десять. Разница в два ранга даст прирост на двадцать. В три – при наличии оружия рангом выше допустимого вместилище должно увеличиться вдвое. Однако это только теория, потому что никто такого пережить ещё не смог...

– Ты как, матушка? – участливо спросил я.

Ни эмоции реципиента, ни привязанность к этой женщи-

не мне не передались, только память. Просто следую полученным мною инструкциям. Ну и такое дело, что считаю свинством отвечать на тепло холодом, а на добро злом.

– Тебя не ранили. Я... – попытался было я поправиться, поняв, что мой вопрос прозвучал в крайней степени бестактно.

– Молчи, – с грустью в голосе прикрывает она мне рот ладошкой.

Та оказалась не мягкой, как можно ожидать, а с характерными мозолями от оружия. Матушка ведь у меня из валькирий, как называли женщин ратников, и не просто имеет за спиной службу государеву. По выходу в отставку так же тренировки не забросила. Опять же, и на гражданке случалось всякое. К примеру, одна дуэль до смерти с помещицей Ракушкиной. Девицами и женщинами спортивного сложения, владеющими оружием и вздорным характером, этот мир не удивить.

Я заметил вернувшиеся на её пальцы рунные перстни: «Щит», две пары «Каменных кулаков», «Плеть», «Огниво» и ранговый со строгой цифрой «6». Ну и, конечно же, обычное обручальное кольцо. Полагаю, что и медальон «Панциря» под корсетом пристроился. Дорожное платье она уже поменяла, и её талию охватывает оружейный пояс с рунными кинжалом и саблей. Оба пистолета перекочевали из футляра в кобуры.

Между прочим, не смотри, что мелкий калибр и считает-

ся несерьёзным, брыкаются эти пистолеты весьма солидно. Но здешние женщины серьёзно отличаются от женщин моего мира. Да они и мужиков наших с лёгкостью заткнут за пояс, ибо рунное плетение «Могущество» рулит. Впрочем, и без Силы способны неприятно удивить многих моих знакомых. С другой стороны, я сейчас в теле мальчишки, а потому сомнительно, что физически превзойду слабый пол.

– Ты как себя чувствуешь? – заботливо и где-то даже с затаённым страхом спросила она.

– Нормально. Только сон одолевает.

– Я не о том. Силу ощущаешь?

Только сейчас до меня дошло. Местные-то на Силе зациклены, и первое, что сделал бы реципиент, так это проверил вместилище и энергетические каналы. Мне же это пока непривычно, хотя и дискомфорта не испытываю.

Дар у Романа пробудился чуть больше четырёх месяцев назад, иначе «Упырь» на меня не среагировал бы. Мало того, паренёк уже достиг первого ранга. Поэтому я без труда заглянул в себя, рассматривая свою энергетическую структуру. Это чем-то походило на рисунок системы кровообращения в учебнике анатомии. Вот только увиденное мною сильно отличалось от того, что видел прежде реципиент.

Тоненькие ниточки каналов заметно разбухли и появились новые ответвления. Такие же нити. Подросло и вместилище. Если верить памяти реципиента и представшей передо мной картине, я разом перемахнул на второй ранг. Своим

ходом мне до такого результата пришлось бы идти больше восьмью месяцев.

– Что молчишь? – обеспокоенно поинтересовалась мать.

– Кажется, я достиг второго ранга, – наконец ответил я.

– Слава тебе господи, – облегчённо выдохнула она.

После чего порывисто подалась вперёд и притянула мою голову к своей груди. Но тут же зашипела от боли. Отпустила меня и положила свою ладонь на левое плечо.

– Ты ранена, – не спрашивая, а скорее утверждая, произнёс я.

– Ерунда. Мягкие ткани. И сама справилась бы, но не хочу получить рубец. Так что кровь остановила, и ладно. А вот тебе не повезло.

Она потянулась к моему лицу и провела пальцами по правой стороне лица, а после коснулась левой щеки. Там, где они прошли, ощущения отличались от её прежних прикосновений, и я спросил:

– Что-то не так?

– Не знаю, как ты выжил, всё же он был четвёртого ранга, но Сила не только увеличила твоё вместилище и расширила каналы. Она ещё и излечила твои раны. Вот только без швов они зажили грубыми рубцами.

– Можно воспользоваться твоим зеркалом?

– Может, как-нибудь потом? – с сомнением произнесла она.

– Сейчас, – покачав головой, потребовал я.

Мать поднялась и прошла к карете. Я последовал за ней, осматриваясь по сторонам. Нормальная такая у меня маман! Пока я валялся в отключке, она успела закрепить тела кучера и лакея на крыше кареты. Впрочем, она у меня одарённая шестого ранга, и за прошедшее время её вместилище успело набрать часть своего потенциала. Вот она и воспользовалась телесными рунными плетениями «Могущество» и «Терпение». Они воздействуют непосредственно на тело и не требуют костылей в виде амулетов и оружия. Иначе ей с такой задачей попросту не управиться.

И не только с этими двумя телами, но и с пятью бандитами. Матушка успела обойти округу и найти их лошадей. Ничего примечательного, самые обычные верховые животные под сёдлами с перемётными сумами и свёрнутыми одеялами. Поперёк закреплены убитые разбойники. Причём я заметил, что троих из них явно добивали. Я ведь только одного ткнул ножичком.

То есть мамуля без затей провела контроль, подготовила к транспортировке тела и собрала трофеи, который я приметил в карете. Железная женщина! Если что, она меня где-то даже пугает.

Мать достала из короба под сиденьем шкатулку со своей косметикой и, открыв крышку, смущённо отошла в сторону. На внутренней стороне закреплено достаточно большое зеркало, чтобы поместилось всё моё лицо. М-да. Весьма страшное, надо сказать.

Через правую сторону проходит длинный грубый и бугрящийся рубец: лоб, бровь и щека. До самого подбородка. След от сабельного удара. Рубь за сто, что свежим он не выглядел настолько уродливо. На левой щеке короткий рощерк, оставленный пулей, и в столь же плачевном состоянии. Прежде личико у реципиента было красивым, я без труда извлёк из памяти картинку, когда он смотрится в зеркало. Зато теперь даже мне, выдавшему виды мужику, смотреть неприятно.

Хм. А ведь, может, оно и к лучшему. Не стоит Роману расхаживать с лицом, имеющим столь характерные фамильные черты. Понятно, что у местных художников портреты не больно-то похожи на оригиналы. Но всё одно получаются узнаваемыми. А уж если доведётся встретиться с родственничками, то и вовсе может получиться интересно. А оно мне надо – влезать в местные разборки? Вот то-то и оно. Так что вполне себе вовремя мне рожу распанахали.

– Не переживай, сынок, мы с отцом непременно найдём средства, чтобы оплатить хорошего лекаря.

– О шрамах ли думать, матушка, коли я мог богу душу отдать. Уж лучше с отметкой за глупость на лице, чем лежать в сырой земле, – изобразив горькую усмешку, ответил я.

– Всё так, сынок. Но ведь встречают по одежке и облику, остальное уж после рассматривают.

– Матушка, а лихие как-то не особо на разбойничков похожи. Уж больно ладно одеты и снаряжены, – решил я сме-

нить тему.

– Как ни рядись, а лиходеёй он и есть лиходеёй. Хотя так-то вот этот, – кивок в сторону трупа главаря, – из благородных будет. Мы с ними в одном зале на почтовой станции обедали. Они немногим раньше нас выехали.

Следуя инструкциям ветеранов-пилигримов, я без особого труда прокрутил память, вернувшись в недавнее прошлое. Это оказалось достаточно просто. Не то чтобы я проделывал такое походя, но и не сильно напрягаясь, зависнув всего-то на несколько секунд. Впоследствии мне это должно будет даваться с лёгкостью.

Впрочем, память-то у меня абсолютная, но нормально пользоваться ею я пока всё же не умею. Без труда восстанавливаю перед мысленным взором лица, но вот автоматически соотнести с ними какие-либо события пока не могу. Однако стоило матери подтолкнуть, и нужная информация тут же появилась из недр хранилища.

– Получается, дворянин на большую дорогу вышел, – заметил я.

– Так-то оно так, но не ради наживы. Полагаю, что главная цель – одарённые, – пояснила мать.

– Убивает ради повышения ранга? – понял я.

– Правильно, Ромашка.

– Рассудком помутился? Со своим четвёртым рангом против твоего шестого? – удивился я.

– Скорее знает себе цену и выбрал женщину, путеше-

ющую с недорослем. Я, конечно, отслужила и успела повоевать, но всё ж таки женщина. Руны у меня сильнее, но они накладываются на реальные возможности моего тела, а они уступят ему. Вот и получается, что он со своим четвёртым рангом хотя и не мог превзойти мой шестой, но вполне был способен посоперничать с ним.

– А как же Сила? Твой потенциал превосходит его вчетверо.

– Тут главное – какое-то время продержаться, что ему было по плечу. Ну и воспользоваться правильным оружием. У него имелось рунное ружьё о девяти стволах и пара четырёхствольных пистолей. И он ни разу из них не промазал, врезав по мне залпом. А после, пока он рубился, его людишки по мне палили. Под клинок-то боязно, а со стороны отчего не пострелять. Тем паче, что ружья и пистолы у них хотя и кремнёвые, но тоже в четыре ствола. Вот и сточили мою защиту да растащили запас Силы.

– Что будем делать дальше? – решил я сменить тему.

– А что дальше. Едем до почтовой станции, там сообщим о случившемся, дождёмся уездного исправника. Да Антошку с Ерёмой похороним. Царствие им небесное.

– Позволишь мне править каретой? – попросил я.

Память услужливо подсказала, что реципиенту таким транспортом управлять не доводилось. Только верхом и двуколкой. А это, между прочим, не так чтобы и просто. Мало ли что может понадобиться в будущем, а потому и навык

лишним не будет.

– Полезай на козлы, – кивнула мать.

Она и сама пристроилась рядом. Больше не из-за недоверия мне, а из опасений нового нападения. Кто знает, сколько татей уготовано на остаток нашего пути.

Глава 4

Почтовая станция

До почтовой станции добрались затемно. Хорошо хоть, полная луна и нам не пришлось ехать впотьмах. Ворота уже заперты, и гостей тут явно не ждали. Однако мать это мало волновало, и она начала колотить в одну из створок. Собаки и без того уже подняли лай, а тут и вовсе зашлись так, что выберись они через ограду, то без сомнений загрызли бы наглеца. Ну или попытались бы. Одна из псин, высунув пасть в небольшую дыру, в бешенстве грызла толстую плаху, только щепки сыплются. Если и дальше будет так стараться, глядишь, вскоре придётся доску на воротах менять.

– А ну цить, окаянные. Сидеть, ироды, – вскоре послышался грубый сильный мужской голос.

Собачки присмирели, хотя и продолжают рычать. Но оно и понятно, непросто вот так враз позабыть о припозднившихся гостях.

– Кого там нелёгкая принесла? – поинтересовался незнакомец.

– Путники. Ищем постой, – ответила матушка.

– Нешто порядка не знаете? Коли не можете до следующей станции добраться засветло, то и в путь снаряжаться не стоит. В поле ночуйте, – безапелляционно заявил он.

– Порядок мне ведом, любезный. Да только, когда его писали, татей, видать, не учли. Напали на нас. Пока со всем управились, время и потеряли. Открывай.

– Не положено.

– Слушай, морда станционная, я сейчас вынесу тебе ворота. Мне это труда не составит, зато тебе потом с ремонтом хлопотать.

– А на то дело полиция есть.

– Уплачу штраф, а голова всё одно у тебя болеть будет.

Станционные смотрители они такие. С одной стороны, со всем почтением к проезжающим. С другой, кого только не видели и кто им только не грозился. Прикрывшись законом и не переступив через него, могут на место и князя поставить, если у того ума не хватит не доводить себя до неудобного положения. Иное дело, что с князьями лучше не ссориться, потому как им порой закон не писан, пусть и не в открытую. Ну да кому от этого будет легче? Уж точно не мелкому чиновнику. Но в отношении обычных дворян они могли выказывать норы практически без опаски.

Правда, матушка ему предоставила выбор. С помощью «Могущества» и «Каменных кулаков» она вполне способна осуществить свою угрозу. Ущерб выйдет незначительным, штраф небольшой. Зато чиновнику придётся реально репу чесать и восстанавливать ворота.

– Прощка! Чего смотришь, бестолочь? Прибери собак, – наконец послышалось из-за ворот.

Вряд ли он испугался поломанных ворот. Скорее всего, в какую-то щель рассмотрел нас, а луна в небе полная, потому и видно всё хорошо. И тела на крыше кареты, и лошади с трупами поперёк. Вот и решил, что суета на пустом месте ему ни к чему.

Я въехал на станцию и остановил карету посреди довольно просторного двора. Слева изба, в которой квартируют ямщики и кучера. Ночлежка, одно слово, с нарами в три яруса. Справа, по всему видать, кладовая и вход в ледник. Дальше по периметру видны навесы с двумя дорожными каретами и дилижансом. Конюшня на заднем дворе.

Понятно, что постояльцев тут хватает, и хорошо, как отыщется отдельная комната для нас с матушкой. О раздельных говорить не приходится. А то как бы с кем ещё и делить не пришлось, так сказать, по половому признаку. На станциях общие спальни вполне себе обычная практика.

– Милейший, трупы нужно куда-нибудь определить до прибытия уездного исправника. Да к нему с утра отправить гонца, сообщить о случившемся. Лекарь в округе есть?

– Аристарх Дмитриевич, помещик местный, имение его в пяти верстах. Берёт дорого, но лекарское волховство знает туго, – степенно ответил смотритель.

Мужчина довольно плюгавенькой наружности и с висящим на нём мундире явно не по размеру. Никак его обличье не соотносится с сильным голосом. Во всяком случае, пока говорил из-за ворот, мне он представлялся рослым и крепко

сложённым.

– Отправь и к нему посыльного. Ну и лошадей надо бы обиходить, – продолжила раздавать распоряжения матушка.

– О том могли и не говорить, – кивнул смотритель.

– Комнаты отдельные найдутся?

– Вы кем друг другу будете, сударыня? – вместо ответа поинтересовался станционный смотритель.

– Он мой сын.

– Тогда вам на двоих могу выделить комнату.

– Вещи наши туда поместятся? Или там только две койки впритык?

– Места хватит, ваша милость.

– Вот и славно. Чего стоим? Кого ждём?

– Не извольте беспокоиться, всё сделаем в лучшем виде.

Смотритель развил бурную деятельность. Так-то обычно нашими лошадьми и багажом занимались кучер и лакей, но они мертвы, поэтому эти обязанности переложили на смотрителя, его работников и домочадцев.

Плюсом к нашему багажу добавились ещё и трофеи с перемётными сумами побитых бандитов. Хотя всё это добро станет нашим только после вынесения вердикта уездным исправником или судьёй. А дело это небыстрое, так что мы имеем все шансы застрять тут. И уж тем более, если вдруг окажется, что погибший вожак являлся уважаемым или не очень местным дворянином.

Я вообще предпочёл бы свалить по-тихому. Тела тупо от-

тащить в овражек, лошадей отпустить, из трофеев прихватить только оружие да сёдла с прибором. Их легко спрятать в карете. Матушку в салон, сам на козлы в одежке попроще, и никаких вопросов. Всего-то одна ночёвка в поле, благо у бандитов имелся небольшой запас овса, сейчас начало лета и с выпасом никаких сложностей. А там и до дома добрались бы.

Но это мои думки, а матушка рассуждает иначе. Она не видит причин отказываться от лошадей, за которых можно выручить как минимум триста пятьдесят рублей. Не так уж и мало, если учесть, что наше имение общей площадью почти в тысячу десятин при трёхстах пахотной земли приносит нам в год чуть больше четырёх тысяч серебром. А ведь ещё и налоги заплатить надо. Так что я где-то могу понять матушку. Опять же, пусть и середина девятнадцатого века, тем не менее законы работают и здесь, свидетели же могут обнаружиться даже в самом глухом углу, а тогда из потерпевших можно оказаться и в обвиняемых.

Комната оказалась достаточно просторной и чистой. Сразу видно, что здешний смотритель человек хозяйственный. Мало того, нам ещё и ужин подали, оно конечно, не с пылу с жару, а подогретое, но вполне себе приличные каша, бу- женина, хлеб, сыр и чай. Банька, правда, подкачала, успев остыть, зато она ещё хранила тепло и хватало горячей воды, чтобы помыться. Чем мы и воспользовались...

– Александра Фёдоровна? Здравствуйте, – слышалось

из угла.

Стоило нам войти утром в обеденный зал, как нас тут же заметил наш сосед Талызин с супругой и младшей дочерью, моей ровесницей. В смысле реципиента, конечно. Хотя про нас отдельно говорить, пожалуй, уже и не стоит.

Добродушный здоровяк за пятьдесят поднялся нам навстречу и поспешил облобызать матушкину ручку. Я невольно сравнил его с цирковым медведем. Правда, это впечатление было обманчивым. Глава семьи Талызиных ратник, каковые, как известно, бывшими не бывают. Поговаривают, что ему случилось с поганым грудь в грудь сойтись, и вот он живой, здоровый. В памяти же Романа обнаружился эпизод, когда этот помещик в одного расправился с волколаком, обратившимся волком размером с годовалого бычка.

– Здравствуйте, Дмитрий Петрович, Елена Владимировна, Настенька, – поздоровалась матушка со всем семейством.

Я так же отвесил поклон, произнес приветствие. К ручке меня ещё подпускать рановато за малолетством. М-да. Похоже, мой вид их впечатлил донельзя. Оно и понятно, ведь они видели меня полгода назад, а Настя и того меньше. Она тоже обучалась в Туле, только в женской гимназии, что не мешало нам время от времени видеться. Мы с ней вроде как дружны, если только она не села на шею Роме и ножки не свесила. И тут вдруг моя моська с грубо зарубцевавшимися шрамами. Картина, если что, пугающая.

– Не припомню, чтобы вы вчера заезжали на станцию до

закрытия, – тактично, не обращая внимание на моё уродство, заметил сосед.

– Так уж вышло, что мы припозднились в пути, и теперь придётся задержаться, пока из уезда прибудет исправник, – невесело улыбнулась матушка.

Вот странное дело, всякий раз я называю её именно так даже мысленно. Похоже, сказывается абсолютная память Романа. А может, причина в том, что у меня подобное не вызывает отторжения.

– Помилуйте, Александра Фёдоровна, что случилось?

– Разбойники на большой дороге случились, Дмитрий Петрович. Насилу отбились. Кучера и лакея убили, а мы вот сумели вывернуться. Не окажете ли услугу и не сообщите Тимофею Сергеевичу о случившемся? Неплохо бы прислать за нами пару крестьян.

– Я прямо отсюда направляюсь к вашему супругу. А пока оставлю с вами своего лакея, дабы он помог с лошадьми, – с готовностью предложил сосед.

– Не стоит беспокойства. Станционные служащие с этим прекрасно справятся, – покачав головой, отказалась она.

– Но хотя бы поведайте, что случилось. Ведь Тимофей Сергеевич станет меня расспрашивать самым строгим образом.

– Да, конечно. Давайте за завтраком я вам всё и расскажу.

Матушка в достаточно сжатой форме поведала о произошедшем. Как я и полагал, о факте насилия упоминать не ста-

ла, хотя и не больно-то погрешила против истины, не присваивая все лавры себе. В изложенной версии бандиты сумели её обездвигить, предоставляя возможность жожаку нанести решительный удар.

Но пока сдерживали её, я пришёл в себя и оглушил жожака дубиной, а затем подхватил её пистолеты и расстрелял четверых разбойников. Когда же заметил, что главарь уже приходит в себя, в испуге, не разобравшись, схватил выроненный им нож и заколол его. Вот только тот оказался с плетением «Упырь», и мне лишь чудом удалось выжить.

Понятно, что я не стал вносить правки и как-либо комментировать её рассказ. Более того, сделал себе зарубку о том, что всё именно так и случилось. В конце концов, у меня ведь состояние было не из лучших, я мог и не разобраться, что там происходило...

– Рома, а тебе не больно? – спросила Настя, невольно потянувшись к моему шраму от сабельного удара.

Мы вышли из основного здания станции, направившись к навесам, где уже заканчивали запрягать их карету. Так вышло, что экипаж прикрыл нас от посторонних взглядов, и она не смогла совладать с природным женским любопытством. К тому же мы не просто сверстники, но ещё и соседи, между нашими имениями всего лишь три версты. Общаемся с раннего детства и даже дружны. И кто его знает, чего тут реально больше – любопытства или искренней заботы.

– Не стоит, – перехватил я её руку.

– П-прости, – пискнула она, не в силах отвести взгляд от этого уродства.

– Очень любопытно? – хмыкнул я.

– П-прости, – вновь пролепетала она.

– Ты меня не обидела. И тебе не за что извиняться, Настя.

Я подвёл её руку к своему лицу и провёл кончиками тонких изящных пальчиков по безобразному шраму как есть – от самого лба до подбородка. Мне казалось, что этой девушке попросту некуда больше краснеть. Но ошибся, она стала буквально пунцовой.

Простояв несколько секунд, словно заморожённая, она вырвала руку и выбежала из-за кареты. И надо же было ей наскочить на отца.

– Б-ба! Молодые, уж не целуетесь ли вы там часом? – добродушно хохотнул он.

– Батюшка! – возмутилась Настя.

– Роман Тимофеевич, вы, как настоящий дворянин теперь обязаны жениться на этой егозе, – нарочито серьёзным тоном заявил он.

– Батюшка! – возмущению Насти не было предела.

– Я готов, Дмитрий Петрович. Когда прикажете засылать сватов?

– И ты туда же! – метнула она в меня испепеляющий взгляд.

– Роман Тимофеевич, вам следует быть аккуратным в своих высказываниях. С момента, как в вас проснулся дар, вы

стали ограниченно дееспособным, и некоторые ваши слова могут повлечь за собой ответственность. Детство закончилось, – положив правую руку на эфес сабли, вполне себе серьёзным тоном произнесла матушка.

– Александра Фёдоровна, ну вот, всё веселье мне испортили, – вздохнул Талызин, наблюдая, как каменеет выражение моего лица.

– Вас не устраивает партия, Роман Тимофеевич? – решила продолжить веселье матушка Насти.

– Ну что вы, Елена Владимировна. Настя настоящий цветок, которому следует расти в оранжерее подле столь же прекрасных образчиков, а не рядом с чертополохом.

– Кхм. Прости, Рома, и в мыслях не держала тебя обидеть, – смутилась женщина пятидесяти трёх лет от роду.

– И ни в коей мере не обидели. Я просто принял правила игры и тоже шутил, – жизнерадостно заявил я.

Вот только мне не особо поверили, так как разговор сам собой свернулся, и наши соседи засобирались в путь...

– Тебя это действительно не задело? – спросила матушка, когда мы смотрели вслед выезжающей со двора карете Талызиных.

– Абсолютно, – со всей возможной искренностью ответил я.

При этом чесал тыльную сторону ладони, которую успел цапнуть овод. Знала бы она, какое это счастье – иметь возможность просто почесаться или поковырять в носу. На этом

фоне какие-то некрасивые шрамы просто теряются. Ну и такой момент, что они свалились на меня как нельзя вовремя.

Вскоре на станцию прибыл местный лекарь. Дядька за шестьдесят в пенсне на мясистом носу. Взгляд строгий, но не хмурый, просто человек знает себе цену. К гадалке не ходить, что у него за плечами богатый армейский опыт. Бывалого вояку сразу распознаешь по манере держаться. Из этого уверенность так и сквозит. На пальце ранговый перстень с шестёркой, но я склоняюсь к тому, что он либо уже достиг седьмого, либо приближается к этому. А вот амулетных перстней нет за ненадобностью. Как я уже говорил, волхвы в костылях не нуждаются.

– Рану и лёгкой-то назвать нельзя. Всего-то порез, сударыня, – осмотрев её, деловито заключил лекарь.

– Ну, я не в походе, чтобы заниматься бранным лечением и множить шрамы. Они ведь только мужчинам к лицу, женщин совершенно не красят.

«Бранное лечение» по сути – это всего лишь первая помощь, на большее талантов простых одарённых не хватает. Но вот такие пустяковые раны залечить им, конечно же, под силу. Иное дело, что рубцы получатся знатные, не поможет и наложение самых аккуратных швов. В этом случае они получатся даже страшнее, так как нитки внесут свою лепту, сдерживая выпирающую плоть и нещадно уродуя её.

– Соглашусь, сударыня. Вашей сестре подобные украшения не нужны. Лично я признаю только очаровательные ды-

рочки в ушках, дабы вдевать в них серьги.

– И здесь наше с вами мнение сходится, – улыbnулась матушка.

Она сидела в сорочке, ничуть не смущаясь моего присутствия. Лекарю и вовсе до этого не было дела. Ведя непринуждённую беседу, он оказывал ей помощь, изливая на рану поток Силы, заключённый в рунную цепочку. Или даже в несколько, потому что сращивал ткани поэтапно, и я бы сказал, работал филигранно. Не прошло и пары минут, как от глубокого пореза не осталось и следа.

– Отличная работа, Аристарх Дмитриевич. Сразу видно мастера своего дела.

– Право слово, рана пустяковая, а вернуть красоту столь эффектной даме мне за счастье.

– А что скажете насчёт шрамов моего сына? – надевая кофту, кивнула она в мою сторону.

– Весьма застарелые. Я даже не представляю всю глубину небрежения, при котором можно было довести до такого, – осуждающе покачал он головой.

– С этим можно что-то сделать? – спросила матушка.

– Полагаю, что смог бы управиться за пятнадцать сеансов. Но это не точно. Ведь мало убрать шрамы, нужно ещё и не навредить. Что толку от гладкой кожи, если мышцы лица потеряют подвижность и эластичность. Получится какая-то неживая маска.

– И сколько будет стоить такое лечение?

– До окончания курса сказать не могу, но каждый сеанс обойдётся в пятьдесят рублей.

– Простите, Аристарх Дмитриевич, я так понимаю, что рана совершенно застарелая, и когда браться за лечение, уже не имеет значения? – поинтересовался я.

– Совершенно верно, молодой человек. Время безнадежно упущено, – развёл он руками.

Его заявление успокоило меня, так как устранять это уродство на своём лице я не собирался. Жить обычным отпрыском среднепоместного дворянина оно куда проще. Так что, дорогой товарищ, обойдусь я как-нибудь без пластики.

– А если этим шрамам меньше суток? – спросила мать, которая, похоже, твёрдо вознамерилась вернуть мне красоту.

– Этого не может быть, – безапелляционно заявил лекарь.

– И тем не менее.

– Но как такое возможно?

– Роман получил ранения во время стычки с разбойниками, а после убил их главаря, одарённого, его же «Упырём». Он сильно превосходил сына по рангу, и поток силы излечил раны вкривь и вкось.

– И насколько превосходил? – удивлённо воззрился на меня Аристарх Дмитриевич.

– Не важно, – отмахнулся я.

Понимаю стремление местных щеголять своими рангами, но я предпочитаю не раскрывать всех своих карт. Даже козырная шестёрка в рукаве будет покруче туза. Я бросил на

матушку многозначительный взгляд, не одобряя её откровенность. Но она не обратила на это внимания. У неё свои резоны, и мои хотелки стоят на последнем месте.

Не имея возможности повлиять на неё так, чтобы не выйти за рамки приличий, я испросил разрешения и вышел из комнаты. Уж лучше займусь чем-нибудь полезным. Нам ведь тут торчать неизвестно сколько. И это всего лишь в дневном переходе от дома.

Из легкодоступного и, по словам моих инструкторов, весьма полезного, я решил заняться своим глазомером. Во всяком случае, из рассказов всё получается очень просто. Остаётся надеяться, что надо мной не шутили.

Попросил конюха оседлать парочку лошадей и, приплатив пятак сыну смотрителя, который был на год старше меня, выехал вместе с ним по тракту, отдалившись примерно на пару километров. Дальше не получалось, так как станция терялась за складками местности. А мне для наблюдений нужна прямая видимость.

– Значит так, Прошка. Сидишь тут в седле и ждёшь, пока я дойду до ворот станции. После прискачешь вслед с обеими лошадьми. Понял?

– И ничего не делать? Просто сидеть в седле?

– Сидеть в седле и стоять на месте. Ни дальше не отъезжай, ни ближе не подъезжай и в стороны не шарахайся.

– Так лошадь на месте стоять не станет.

– Хм. Резонно. А мы тогда вот так.

Я прыгнул из седла и, подойдя к небольшому деревцу, привязал к нему поводы обеих лошадей. Теперь они никуда не денутся, будут, конечно, переминаться, а это шаг, другой в ту или иную сторону, но и не более. Можно, конечно, взять за ориентир и дерево, но всадник для определения расстояния куда практичней. Тем более, если верить инструкции, я без труда запомню и разделю оба ориентира.

Решив этот вопрос, отсчитал десять шагов и обернулся, впечатывая себе в мозг увиденную картину. Ещё десяток шагов и снова обернуться. Муторно, не без того, хотя бы двадцать пять было бы проще, но для местного огнестрела такие разрывы слишком велики.

Ну что сказать, меня не обманули. Оно и впрямь запоминалось легко. Иное дело, что пользовался я этим инструментом пока неуверенно, но тут нужна практика. Причём не такая уж и долгая, ибо абсолютная память рулит.

Когда я дошёл до станции, матушка встретила меня, стоя на крыльце главного здания. Осуждающе покачала головой и поманила к себе.

– Ты чем занимаешься?

– Глазомер развиваю, – правду ответил я.

– А как по мне, так от безделья маешься. А меж тем дело к полудню и пора медитировать. Мало ли что тебе удача улыбнулась, и ты разом взял второй ранг. Дар нужно развивать ежедневно. Несмотря на свалившееся везение. Пошли в комнату, – решительно произнесла она.

Вообще-то, её правда. Просто я из мира, где магия это всего лишь сказка, вот и делаю ставку в первую очередь на огнестрел. Но здесь дар и владение Силой – реальность. А потому глупость вселенская влезать со своим уставом в чужой монастырь. Хотя порой и не помешает внести кое-какие дополнения, не ломая устоев. Потихоньку, исподволь, тихой сапой. Так, чтобы в итоге чувствовать себя комфортно. Ведь местные не отринули обычное оружие, вон и до пороха дошли. Правда, по уровню как-то не дотягивают до привычной мне середины девятнадцатого века.

Глава 5

Дознание

Ну что сказать о медитации? Для начала никаких поз лотоса и открытия чакр. Достаточно просто устроиться с удобством, подойдёт даже стул, а можно лечь в постель или на травке. После чего заглянуть в себя и сосредоточить своё внимание на вместилище. Я уже проделывал это вчера после того, как пришёл в себя, так что никаких сложностей.

Затем нужно просто тянуть в себя Силу по всем имеющимся каналам. Чем выше их пропускная способность, тем интенсивней поток воздействует на вместилище, растягивая его. Это если не усложнять и говорить доступным языком. Так-то у учёных целая теория по этому поводу расписана, но я ведь не собираюсь заниматься научными изысканиями.

Так вот со вчерашнего дня мои возможности увеличились вдвое. Если с прежними каналами я мог достигнуть третьего ранга примерно за тридцать месяцев, то теперь уложусь где-то в пятнадцать, в то время как среднестатистическому одарённому потребуется два года. Весьма неплохой результат...

При медитации главное – не увлекаться. Потому что кажущееся скучным занятие затягивает из-за всё больше нарастающей эйфории. Если переборщить, то можно и за край уйти в буквальном смысле этого слова, раствориться в Силе. Из-

вестно множество случаев, когда человек терял душу, превращаясь в овощ. Или же, если рассуждать известными мне категориями, матрица сознания теряет связь с телом, растворяясь в едином информационном поле Земли.

Кто знает, может, именно так и получают те самые попаданцы, о которых любили читать молодые оболтусы в нашем взводе. А в том, что это не совсем фантастика, я теперь уже не сомневаюсь. Ну или это очень качественный глюк.

Чтобы избежать фатального исхода, одарённого нужно выдёргивать из транса. Поэтому он либо медитирует под присмотром, и его приводят в себя. Либо делает это самостоятельно с помощью несложного механизма, похожего на наручные часы, хотя таковых тут пока и не существует. Завода хватает как раз на час, после чего игла срывается с шептала и колет в запястье, а боль развеивает морок.

Вот как сейчас. Я снял с запястья левой руки кожаный ремешок с «будильником» и потёр пальцем небольшой порез. Тот уже начал затягиваться под воздействием потока Силы, тут не нужно даже задействовать «Бранное лечение», которое мне, к слову, и неизвестно. Моих возможностей пока хватает лишь на остановку незначительного кровотечения, в частности вот такого.

Рядом открыла глаза матушка, которая так же медитировала вместе со мной, устроившись в своей постели. В такой момент одарённый беззащитен, но именно по этой причине мы заперлись изнутри на засов. Она достаточно опытна, что-

бы среагировать даже на незначительные внешние раздражители. Не мгновенно, разумеется, но дверь поможет выиграть нужное время.

– Матушка, а тебе доводилось убивать одарённых выше рангом? – спросил я.

– И не единожды, – кивнув, подтвердила она.

– И ты всё ещё шестого ранга?

– Ну, так уж выходило, что эти убийства компенсировали мне потерю из-за пропущенных медитаций. В жизни и особенно на службе хватает забот, когда попросту не до саморазвития. Вот и выходит, что, несмотря ни на что, я всего лишь там, где была бы, если бы регулярно занималась ростом вместилища.

– А каналы силового каркаса у тебя выросли?

– Разумеется. Соразмерно вместилищу.

– То есть если вместилище растёт на пятую часть, настолько же увеличивается и пропускная способность каналов?

– Нет. Вместилище вырастает на пятую часть, но каналы при этом расширяются лишь кратковременно, после чего принимают соразмерную пропускную способность. В моём случае это стандартная единица. Иными словами, вместилище заполняется за двенадцать часов, и каналы обеспечивают именно такой приток, хотя объём моего запаса уже под сто семьдесят единиц. Но к чему твои вопросы?

– Хм-м... – задумчиво выдал я.

– Уж мне-то ты можешь сказать, я приму всё. – В голосе

матери мне почудилась тревога.

Понять её несложно. В мире пока ещё нет засвидетельствованного случая, подобного моему. Более того, считается, что после такого одарённый не выживет, хотя и не исключается, что теоретически он может вырасти вдвое. Но это лишь голая теория.

– У меня не только вдвое выросломестилище, но, если я ничего не напутал, выросла и пропускная способность каналов. По моим прикидкам, она сейчас составляет одну целую и шесть десятых.

Понятно, что эти цифры условные, призванные лишь упростить использование Силы. На деле местным до сбора точных данных, как и полноценного осознания природы Силы ещё очень и очень далеко. Но чем-то ведь пользоваться надо. Потому и используют пока такую упрощённую методику.

– Вот значит как. А ты способен заполнить каналы настолько, чтобы активировать рунную цепочку, скажем, третьего ранга?

– Я пока и второго-то не пробовал.

– Со вторым как раз никаких проблем, – кивнув, заметила она.

Сняла один из своих перстней с плетением «Каменный кулак» и протянула мне. Это у неё на всякий случай, мало ли какого мужика придётся вразумить. Активирует перстень шестого ранга, так голова взорвётся от удара, как переспелый арбуз. Даром, что ли, плахи на воротах собиралась раз-

бить. А вот так для женской руки получится весьма увесисто и не смертельно.

Я надел перстень и сразу же ощутил отклик рунной цепочки. Направил в неё Силу, как это делал с телесными руками, и печатка тут же налилась голубоватым свечением, а на руку словно надели энергетическую пятипалую перчатку. Матушка указала мне на бревенчатую стену, мол, жарь. Ну я и вжарил. Получилось довольно громко, в дереве остались вмятины от моих костяшек, но я никакой боли не почувствовал, так, будто вполсилы ударил по боксёрской груше.

– Ну что же, со вторым рангом полный порядок. Дома имеются мои старые амулеты третьего ранга, Игорю они пока великоваты. Вот вернёмся и обязательно попробуем. Но ты вот что. Сказал мне об увеличившихся каналах, и на этом всё. Больше ни единой живой душе. Пусть все знают, что ты получил просто выросшее вместилище. Увы, я сразу не сообразила, что лучше не распространяться о твоём использовании «Упыря» четвёртого ранга. Но тут уж ничего не поделаешь. Опять же, надо же было как-то объяснить твои шрамы. А вот о каналах лучше помолчим. Это будет твоим козырем в рукаве.

– И даже отцу не говорить?

– И даже ему. Он слишком вас любит и не в состоянии сдержаться от бахвальства. Если будет молчать трезвым, то в подпитии непременно не удержится, – тепло улыбнувшись, покачала она головой.

– Я понял, матушка, – невольно улыбнулся и я.

Мой старший брат был точно таким же. Если только узнавал новость о ком-либо из близких, то его тут же начинало распирать от гордости, и он едва сдерживался. Несмотря на неоднократно высказываемые ему претензии, хватало его ненадолго. И вскоре он начинал хвастать своими близкими, выставляя их в лучшем свете, не забывая при этом и слегка приукрасить. Причём пить ему для этого было не обязательно. Обижаться на него просто невозможно, проще ничего ему не говорить. Правда, когда новость распространялась, обижался уже он.

– Вот и славно, Ромашка. Но твоим даром нужно непременно заняться вплотную. Кто знает, какие ещё сюрпризы в нём кроются. Жаль, у меня нет с собой учебника по силовому каркасу, взглянули бы на структуру активации того же «Могущества» третьего ранга. Увы, но по памяти я сейчас уже и не вспомню. Ладно, пойдём лучше поедим.

После обеда матушка отправилась на боковую. Кто сказал, что сиеста распространена только на юге? Как бы не так, мы – северные варвары тоже её очень даже уважаем. Во всяком случае, благородное сословие уж точно. Иное дело, что мне не нравится попусту терять время, о чём я и заявил матушке.

– Сильно же тебе прилетело. Прежде ты никогда не отказывался от послеобеденного сна, – покачав головой, заметила она.

– И всё же хочу попробовать свои новые возможности.

– Смотри не переусердствуй и не натвори каких бед.

А так-то дело твоё, – пожала она плечами.

Я вышел из комнаты, прихватив с собой четыре трофейных ножа. Пятый с рунами «Упыря» матушка мне брать запретила, не иначе как опасается какой глупости с моей стороны. Хотя с чего бы. Полагаю, что со временем переживания притупятся и её попустит.

Выйдя на задний двор, присмотрел лежащую на боку старую и полуразвалившуюся телегу. Ремонтировать такую – проще построить новую, вот рачительный стационарный смотритель и прибрал её до поры в сторону, чтобы потом вдумчиво разобрать. Металл сам по себе в этом мире пока ещё достаточно дорог, а тут готовые изделия. Это у нас привыкли выбрасывать кривые гвозди и покупать новые, здесь их выпрямляют и используют не по разу и не по два.

Я активировал известное мне плетение «Могущество» первого ранга. Для этого необходимо было пустить Силу в конкретной последовательности и по определённым каналам. При этом подавляющее их большинство осталось незадействованными. Хотя это и называется рунным плетением, ни о каких рунах тут нет и речи. Впрочем, без разницы, главное, что это работает.

Отчего-то подумалось, что если у меня теперь каналы крупнее и могут вобрать в себя больше Силы, то и я сам стану сильнее. И опять ошибся. Расход энергии увеличился

кратно, а вот в самой силе прибавить ничуть не получилось. И что самое поганое, не вернуться к прежней конфигурации с более экономными энергозатратами. Наверняка с этим что-то можно сделать, но я пока не знаю как.

Не имея возможности повлиять на это, я решил оставить вопрос на потом, а пока просто поставил телегу на попа. Получилось не так легко, как я надеялся. Что в общем-то и неудивительно, ведь я в теле подростка, пусть он и в хорошей физической форме, да ещё и рунное плетение слишком слабое. Но как-бы то ни было, всё же управился.

Оборудовав себе мишень, вооружился ножами и начал их метать, отойдя от телеги на семь шагов. Поначалу получалось не очень. В прошлом я этим не заморачивался, потому что если дошло до ножа, то это твой последний шанс. А тут уж нужно быть дураком, чтобы лишать себя оружия. Метательные же ножи я по петлям не рассовывал. Зачем? Лучше вместо одного ножа я возьму лишних четыре-пять патронов двенадцатого калибра.

Однако пилигримы заверили меня, что абсолютная память расширяет горизонты, и я непременно оценю возможность иметь при себе пару-тройку подобных аргументов. Пока всё, о чём они говорили, сбывалось, и я не вижу причин отмахиваться от доброго совета. Но для начала не мешало бы научиться метать эти самые ножи.

Ну что сказать. Конюх и сынок смотрителя Прошка поначалу потешались надо мной, стараясь при этом не попадать-

ся на глаза. Что ни говори, а насмеяться над дворянином может выйти себе дороже. Но с каждым броском у меня получалось всё лучше и лучше. Абсолютная память и впрямь рулит, вот только нужно научиться грамотно ею пользоваться.

Впрочем, навыки эти у меня нарабатывались достаточно быстро. Положение руки, правильный хват, сила броска для того или иного вида клинка. Всё это намертво впечатывалось в мою память. Ошибки я также запоминал, но у меня получилось достаточно легко отправить их в самые отдалённые уголки памяти, ну или в небытие. Забыть я ничего не могу, но ведь никто не мешает не использовать шлак.

Не прошло и четверти часа, как все ножи уже находили свою цель, уходя глубоко в старые деревянные плахи телеги. Сочтя, что результат достигнут, я отступил на три шага. И снова начались неудачи. Три броска не получились, зато четвёртый нож глубоко засел в древесине. Правда, чуть ниже точки прицеливания. Каких-то десять минут, и можно вновь увеличивать дистанцию.

Благодаря рунным цепочкам «Могущество», «Терпение», «Изворотливость» и «Ловкость» я не ощущал ни усталости, ни дискомфорта и метал ножи как заведённый. Прежний Роман не мог себе этого позволить, так как его вместилище не было способно вобрать в себя достаточное количество Силы. А расход на поддержание плетений не давал возможности одновременно использовать хотя бы два. Реципиент быстро

уходил в минус, вот и всё.

Однако в моём случае получалось иначе. Высокоранговые плетения мне, может, и неизвестны, зато Силы во мне с избытком. А потому я уподобился роботу. Отработал броски на одной дистанции, закрепил навык и сменил позицию. За час успел отойти от мишени на расстояние в двенадцать шагов. Не сказать, что при этом броски у меня получались столь же мощными, но в цель ножи летели и в доски телеги втыкались. Полагаю, что когда изучу плетения второго или, чем чёрт не шутит, третьего ранга, то смогу совершать и смертоносные броски.

Затем в ход пошли серп, два плотницких топора и какая-то заострённая с одного конца полоска металла. Как и прежде, вначале у меня не клеилось. Но затем всё наладилось, и снаряды уверенно втыкались в мишень. При этом я использовал их бессистемно, всякий раз извлекая из памяти и применяя наработанный навык именно к этому предмету. Пока получалось с заминкой, но во всём нужна сноровка, закладка, тренировка.

Куда сложнее пришлось, когда решил переключиться на левую руку. Я закоренелый правша, как и мой реципиент, а потому дело двигалось гораздо хуже. Но прогресс присутствовал, причём стремительный, иначе происходящее я назвать не могу. Уже через час вполне уверенно метал ножи с левой руки. И снова переключился на другие предметы. Но тут дела пошли уже поживее.

Если бы не «Терпение», то я уже свалился бы от усталости. Ведь даже с телесными плетениями все мышцы ныли и гудели, а руки так и вовсе забились. Что уж говорить о моём состоянии при отсутствии рун. Чувствую, мне придётся несладко. Но жалеть тут не о чем. С одной стороны, оно мне в этом мире реально пригодится, с другой, в какой-то момент я поймал кураж и стал получать удовольствие от процесса тренировки, тем более при наличии зримого прогресса.

– Неплохо. Я бы даже сказала хорошо, – услышал я за спиной голос матушки.

– Ты уже проснулась?

– Не весь же день мне спать. Не припомню, чтобы у тебя так хорошо получалось. Похоже, потрясение пошло тебе на пользу во всех отношениях.

– Это точно. Только расход Силы нерациональный, слишком крупные каналы для плетений первого ранга.

– Ничего, вот доберёмся до домашней библиотеки, там и поправим.

– Ваша милость, прошу простить, прибыл уездный исправник, вас просят, – сообщил вышедший на заднее крыльцо сынок смотрителя.

– Где он? – спросила матушка.

– Так в ледник пошёл на побитых смотреть.

– Хорошо, – отпустила она его. И уже ко мне: – Ну что, Ромашка, пошли поговорим с блюстителем закона и поряд-ка.

– Как-то быстро он прибыл, – с сомнением произнёс я.

– Кабы что другое, то, может, и до завтра не дождались бы.

А разбойники на тракте – это серьёзно. За это и спрос с полиции учинить могут. Вот он и поспешил.

Когда вышли на центральный двор, где находилась и кладовая с расположенным под ней ледником, сразу же увидели двух полицейских, унтера и рядового. Или как они называются в местной полиции. Реципиент не знал, а я так и вовсе не в курсе.

Те сразу же воззрились на меня как на диковинную зверушку. Оно и понятно, шрам от сабельного удара получился весьма колоритным и не может не привлекать внимание. Пялиться на дворянина, пусть и сопляка, бывает чревато, и служивые старательно отводили взор, но поделать с собой ничего не могли, то и дело поглядывая на меня. Ну что же, ничего не попишешь, придётся с этим жить.

Спускаться в холодный подвал матушка не стала. Незачем. Там сейчас и без того места мало из-за трупов, да плюс смотритель с исправником. Однозначно не развернуться. Да и нечего ей там делать. С другой стороны, не прошло и пяти минут, как полицейский сам поднялся наверх, зябко поведя плечами.

– Здравствуйте, сударыня. Уездный исправник Ясногорского уезда Соловьёв Лука Арсеньевич, – представился дородный дядька лет сорока пяти.

Впрочем, толстым его назвать сложно. Скорее уж здоро-

вый. Крепкая фигура затянута в тесный мундир. И как только он при нужде собирается махать сабелькой, что висит у него на боку? А ведь он из одарённых, вон на пальцах рунные перстни. Чем-то походят на украшения из коллекции Булгари. Я такие дарил покойной жене.

– Агапова Александра Фёдоровна, помещица Винёвского уезда.

– Стало быть, вот оно как. В отношении Макеева уж с полгода слухи нехорошие ходили, да только их к делу не пришить. А тут вон оно как вышло, – заметил полицейский чин.

– То есть он местный? – уточнила матушка.

– Так и есть. Любезный, предоставь нам место, где мы могли бы заполнить опросные листы, – обернулся он к станционному смотрителю.

– Прошу, ваша милость, – с готовностью указал тот в сторону главного здания.

На станции сейчас проезжего люда нет, а значит, и смотрителю не нужно заполнять бумаги, поэтому он уступил полицейскому своё рабочее место. Тот, в свою очередь, вооружившись пером и бумагой, начал заполнять опросные листы чётко, деловито и без воды. Всё строго по делу, а потому управился довольно быстро. Выезжать на место происшествия он и не подумал, удовлетворившись описанием матушки. После неё столь же лаконичный опрос меня. Смысл был тот же, что она озвучила Талызиным, разве только чуть более детальный, ну и момент с «Упырём» мы предпочли

опустить, чтобы не афишировать лишний раз.

Потом была опись трофеев, которые мне вместе с прислугой и сыном зрителя пришлось принести из нашей комнаты. Я ожидал дотошного осмотра и описания, но по факту обошлось простым перечнем. Разве только с указанием особенностей типа сабля с односторонней заточкой и кинжал обоюдоострый, оба клинка с рунами «Упырь» и «Пробой».

– Вот и всё, сударыня. А это моё постановление о передаче всех перечисленных предметов в вашу собственность как трофеев, взятых с боя. Всё честь по чести, – деловито заявил он, прикладывая к бумаге казённую рунную печать.

Я ожидал сургуч или обычную чернильную, но на деле вышло куда интересней. Оттиск оказался давленным, да ещё и с водяными знаками. Ну или чем-то, весьма похожим на них, потому как на просвет отлично было видно изображение двуглавого орла в самой структуре бумаги. Рельеф оттиска отчётливо ощущался пальцами. И вообще бумага под ним стала более плотной...

– Матушка, мне кажется, или всё прошло как-то слишком быстро? – глядя вслед удаляющимся полицейским, спросил я.

Служителей закона ничуть не волновало то, что скоро стемнеет и им не успеть засветло добраться до Ясногорска или другой почтовой станции.

– Как по мне, то всё прошло не то что быстро, а скорее стремительно, – ответила она.

– И с чего бы это?

– Полагаю, что у покойного нет наследников, и господин Соловьёв спешит наложить на его имение руку. Или ему известен другой желающий. Вот и выходит, что все от его смерти оказались в выигрыше. Нам трофеи, станционному смотрителю организация похорон, за которые он получит компенсацию после реализации имения, и я полагаю, что по бумагам будет значиться обряд по высшему разряду. Исправник тоже свою выгоду поймёт, вне зависимости ради себя старается или для кого-то другого.

– Понятно.

– Ну ты как себя чувствуешь? Сильно устал?

– Не то чтобы совсем не устал, но силы ещё есть.

– Тогда пошли займёмся оружием. Теперь оно уже наше, а о своём имуществе следует проявлять заботу.

Глава 6

Адаптация продолжается

Я вертел в руках многоствольную дуру весом килограмм в восемь, никак не меньше. Помнится, видел нечто подобное в сериале о похождениях королевского стрелка Шарпа. Правда, если мне не изменяет память, тамошняя модель была семиствольной, и все они были одинакового калибра вроде бы в полдюйма. И стреляло то ружьишко только залпом.

Здесь имеется девять сваренных стволов. Восемь полудюймовых по периметру и один в центре в три четверти, что примерно соответствует привычному мне двенадцатому калибру. Ну и такой момент, что у этого ружьишка нет кремнёвого или какого иного замка. Это оружие рунное, то есть воспламенение пороха осуществляется с помощью активации рунного плетения «Огниво» первого ранга, способного дать лишь искру. И в отличие от карабина в сериале, стрелять можно как залпом, так и вразнобой.

Едва взяв в руки девятистволку, я сразу же ощутил отклик рун, нанесённых на внутреннюю поверхность стволов в казённой части. Создавая их, рунный мастер вложил Силу в каждый штрих, излом и завиток. Просто выгравированные знаки ощутить невозможно, как и активировать их. Они просто неспособны принять энергию. Вот такие тут реалии.

Дрын у оружейника получился тяжёлый и неудобный, к нему ещё предстоит приноровиться. Но в общем и целом ничего невозможного. Главное, чтобы стволы были ровными, а там есть варианты как увеличить и прицельную дальность, и энергию выстрела. Жаль только, зарядание дульное, и на полную перезарядку даже при наличии сноровки будет уходить не меньше трёх минут.

– Нравится? – спросила матушка, видя, с каким любопытством я рассматриваю карабин.

До этого она не позволяла мне возиться с железками, только и того, что дала воспользоваться ножами. Как она сказала, не хотела травить душу. А то ведь игрушки у разбойников славные, положишь на них глаз, считая уже своими, исправник же возьмёт и изымет всё до принятия решения по делу. И не факт, что нас признали бы правыми.

Как ни крути, а матушка на два ранга выше убитого барчука. И вполне могла себе позволить напасть на него и четверых слуг. Это ни разу не шутка. Окажись у него родня, возжелавшая наказать убийцу их близкого, и тогда разбирательство могло затянуться не просто на месяцы, но даже на годы.

– Интересный карабин, – кивнув, согласился я.

– Если хочешь, можешь забрать себе. Твой законный трофей.

– А можно ещё и его пистолеты?

Я отложил карабин и взял один из рунных пистолов. Гро-

моздкая дура весом под два кило с длиной стволов сантиметров в двадцать пять, точнее я пока сказать не могу. А значит, и пулю должны разгонять неплохо, к тому же калибр сродни известному мне двенадцатому вполне себе внушает. Наконец блок из четырёх стволов делает его достаточно грозным оружием. И стрелять можно как одиночными, так и залпом. Причём благодаря усиливающим рунам для меня ничего невозможного. В смысле, когда научусь новым плетениям. А вот другому подростку такой ствол я давать поостерёгся бы.

– Уверен, что они тебе по руке? – с сомнением произнесла матушка.

– Из одного ствола я в любом случае стрелять смогу. А когда освою телесные плетения хотя бы второго ранга, глядишь, и дуплетом выдам.

– Со вторым рангом это вряд ли, но с третьим уже вполне, – покачала головой матушка, но тут же кивнула. – Хорошо. Забирай на вырост. Сабля и кинжал тоже твои, но их ты получишь только с четвёртым рангом. Во второй раз может и не повезти.

– А ведь этот Макеев и впрямь был заточен под охоту на одарённых, – заметил я.

Отложив пистоль, взял в руки одно из кремнёвых ружей, какими были вооружены слуги. Весьма занятная конструкция, должен заметить. Начиная с того, что оно четырёхствольное, под всё тот же двенадцатый калибр. Заканчи-

вая тем, что замки позволяли как одиночную стрельбу, так и дуплетом или залпом. Пистолеты столь же массивные, длинноствольные и выглядят убойно.

Однозначно этот арсенал предназначен для убийства одарённого или охоты на обратившегося зверя. И стоит эта красота вовсе не копейки. В памяти реципиента что-то такое обнаружилось. Оружие, конечно, не дешёвое, но в то же время в нём нет ничего необычного, многоствольные системы в этом мире достаточно распространённое явление. И именно из-за потребности в мощном залпе.

– Матушка, я вот понять не могу, если этот Макеев охотился за одарёнными, то отчего выбрал эту девятистволку? Малокалиберная пуля достаточно слабая. Если бы он использовал четырёхствольное ружьё обычного калибра, то и вес залпа у него был бы больше, и само ружьё легче, и отдача меньше.

– Так-то ты прав, Ромашка. Но это с какой стороны посмотреть. Для обычного человека и свинцового шарика в полдюйма вполне достаточно, чтобы отправить его на тот свет. А тогда уж вместо четырёх выстрелов у него получается девять. Как по мне, то разница очевидна. Кстати, Антошку с Ерёмой именно он и застрелил своим мелким калибром, сберегая полноценные ружейные выстрелы слуг для меня.

– Понятно, – кивнув, невесело ухмыльнулся я.

– Ну что? Налюбовался? Теперь давай чистить.

– Слушаюсь, – вытянувшись во фрунт, игриво бросил я.

– Вольно, ратник. Железо ждёт тебя, – наигранно снисходительным тоном произнесла она.

– Матушка, а отчего ты пользуешься малый калибр, да ещё и с кремнёвыми замками? – берясь за чистящие принадлежности, спросил я, имея в виду её колесцовые пистолы.

– Так ведь уже говорила, что обычному человеку хватит. Но главное – это оружие последнего шанса. Если дошло до пистолетов, то может статься и так, что Силы уже совсем не осталось. Увы, но запас её не так велик, как может показаться. Случалось мне выжимать себя досуха, а тогда уж ничего не остаётся даже для перворангового «Огнива». О телесных рунах и говорить нечего. А я женщина, и полноразмерный пистоль для меня слишком мощный.

– Ясно.

– Ромашка, а как ты относишься к мысли Дмитрия Петровича о тебе и Насте? – ни с того ни с сего спросила матушка.

– Это же была шутка, – отмахнулся я.

– В каждой шутке есть доля правды, – покачав головой, возразила она.

– Да никак не отношусь. Мне всего-то четырнадцать, а жениться раньше двадцати трёх лет одарённым мужам нельзя.

– Но никто ведь не запрещает обручиться.

– В любом случае я слишком юн, и о женитьбе думать пока рано.

– Благо есть кого в постель затащить. Да, Ромашка? – с хитринкой заметила она.

– О чём это ты, матушка? – даже не покраснев, тут же ушёл я в отказ.

Вообще-то, с прошедшего Рождества реципиент вполне себе баловался с крепостной Фросей, девицей двадцати пяти годочков, прислуживавшей в доме. И покопавшись в его воспоминаниях, можно прийти к выводу, что случилось это стараниями матушки. Видать, заметила изменения в поведении сына и решила действовать на опережение. Заботливая, что тут ещё сказать.

Чистку мы закончили, когда уже совсем стемнело, и нам пришлось трудиться под светом керосиновых ламп. К этому времени на станции прибавилось народу, и все комнаты вновь оказались заняты. Впрочем, тот факт, что мы опять ночуем вместе, нас нисколько не беспокоил. Поужинав, отправились на боковую. Увы, но нам даже почитать нечего, книги, имевшиеся с собой, уже прочитаны, а для второго круга прошло слишком мало времени...

Утро выдалось не только солнечным, но и весьма шумным. Постояльцев в этот раз оказалось слишком много, причём большинство из них прибыли сразу на трёх дилижансах, а это куча народу и большой объём работы для конюха, которому приходилось вертеться как ужу на сковороде, помогая кучерам снаряжать транспорт для дальнейшего путешествия.

М-да. Ну что сказать, похоже, теперь мне вечно придётся выступать эдакой диковиной квазимордой. За ужином на

меня не насмотрелись, решили стереть глазки о мою мордашку за завтраком. Матушка то и дело бросала в мою сторону обеспокоенные взгляды, не задевает ли меня подобное любопытство. Оно и понятно, реципиент был красавцем и, несмотря на юный возраст, за своей внешностью следил. Но мне это как-то в пополам. Поэтому я лишь ободряюще подмигнул ей, мол, всё в полном порядке и беспокоиться не о чем.

– Может, тоже поедем? – наблюдая в окно, как из ворот выезжает очередной дилижанс, спросил я.

– Нет, Ромашка. Если бы отца не предупредили, тогда можно было бы и самим управиться. Но теперь, боюсь, мы с ним разминёмся. Он уже с рассвета сюда мчится, срезая просёлками, где только возможно, и потеряться нам легче лёгкого. Ты как насчёт клинками постучать? – сменила она тему.

– Только за, – сразу согласился я.

Не то чтобы мне это было интересно. Но всё за то, что при всей моей приверженности к огнестрелу в будущем владение холодным оружием вовсе не будет лишним. И урок от матушки, в прошлом валькирии, прошедшей через горнила сражений, точно пригодится. Ну и такой момент, что это позволит развеять скуку.

После разминки она предложила мне тренировочный бой, дабы оценить мои способности. В гимназии нас учили чему-нибудь и как-нибудь. Родители дома, конечно, занима-

лись с детьми, но то была скорее игра. Теперь же, как и на рождественские каникулы, она, похоже, решила, что мальчику пора вступать во взрослую жизнь.

– Матушка, а можешь ты показать несколько связок? – попросил я.

– Хм. Ну что же, давай попробуем.

Она достаточно медленно, но не слишком, провела первую связку. После моего утвердительного кивка вторую. Затем третью.

– Остановимся пока на этом. Если за время каникул сумеешь хорошенько освоить хотя бы их, то это будет отличным результатом. Ну что, готов повторять за мной?

– Погоди, матушка, я сам.

– Сам? – вздёрнула она брови.

Но потом сделала приглашающий жест, мол, не вопрос, покажи, что ты сумел запомнить. Вооружившись трофейным клинком, я начал выводить первую связку пока достаточно неуверенно, повторяя показанное матушкой. С моей памятью несложно вывести перед мысленным взором её движения. Правда, это всё равно не уберегло меня от ошибок.

– Куда локоть оттопырил? Ты же не птица крыльями махать. Вот так. Ага, правильно. Кисть. Чуть доверни её. Хорошо. Нога. Куда такой большой шаг? Хочешь, чтобы тебе подбили опору?..

И так, пока я не завершил связку полностью. Потом повторил, совершив значительно меньше ошибок. Третья по-

пытка и вовсе прошла без сучка, без задоринки, единственно очень медленно даже в сравнении с неспешным исполнением матушки.

– Никогда прежде не замечала за тобой такого, – покачала она головой.

– Это меня знатно по голове приложили, – улыбнувшись, ответил я.

После чего проделал связку ещё дважды, при этом не думая ускоряться. Наконец решил оставить её отлежаться и взялся за вторую. Матушка хотела было повторить, но я лишь отрицательно покачал головой и воспроизвёл её самостоятельно. Не без ошибок, но сам.

За час успел запомнить и закрепить все три связки. Под занавес продемонстрировал ей их, и матушка не обнаружила ни одной ошибки. Ещё бы. Все движения у меня выходили как под копирку, словно их выполнял не человек, а неизвестный в этом мире робот. Теперь остаётся только наращивать темп и доводить всё до автоматизма, дабы тело реагировало быстрее мозга. Как говорили мне пилигримы – между знать и уметь есть одна большая разница. Как бы быстро не осваивались навыки, закрепить их можно только регулярными тренировками.

Правдивость этого утверждения я в полной мере осознал, как только матушка решила проверить-таки, на что я способен. Мои тщетные попытки использовать хоть что-то из прошлого опыта и вновь обрётённые навыки ни к чему не при-

вели. Маман била меня всякий раз, как только мы сходились, причём ей хватало для этого считанных секунд, и обходилась она без использования рун.

Похоже, решила приспустить меня на землю, давая понять, что мои успехи в запоминании связок ровным счётом ничего не значат. А я, если что, в облаках и не летал, прекрасно отдавая себе отчёт, чего стою на самом деле.

– Ты куда собрался? – спросила матушка, поправляя халат на груди.

После тренировки были обед и час медитации. Сейчас она собиралась предаться послеполуденному сну. А вот мне спать совершенно не хотелось. В моём распоряжении оказались затейливый карабин и не менее занятные пистолы. Иметь под рукой огнестрел и не уметь им обращаться – это выше моих сил. Вот я и нацепил на себя оружейный пояс покойного Макеева.

– Хочу поупражняться с новинками как с заряданием, так и со стрельбой. Нужно же понимать, что оказалось у меня в руках и как этим правильно пользоваться, – ответил я.

– Всё же серьёзно тебя приложили по голове. Или это из-за Силы в тебе проснулось то, чего не было прежде, и потерялось что-то из старого, – покачала она головой.

– Мне не ходить?

– Иди, конечно. Всё нормально. Только слишком далеко от станции не отходи. А лучше спроси у смотрителя, где можно пострелять. И нацепи саблю с ножом. Привыкай но-

сить оружие. Похоже, пришла пора.

Я так и поступил. Вопрос тут вовсе не в статусе, а в том, что с непривычки сабля непременно будет путаться в ногах и доставлять неудобства, даже если я решу сесть на стул. Та же ситуация с кинжалом и пистолями в кобурах. Весь этот арсенал нужно носить с такой непринуждённостью, словно на мне и нет нескольких килограммов железа...

– Пострелять? Разумеется, у нас есть такое место, ваша милость, – с готовностью подтвердил станционный смотритель. – Это в последние дни всё гладко, а так-то случается, что экипажи ожидают смены лошадей и по несколько дней. А тогда уж господа развлекаются, как могут. Вот и стрельбище себе устроили. Как в задние ворота выйдете, пройдите прямо пару сотен шагов, там будет овраг с деревянным щитом. Господа листки бумаги на тот щит закрепляли и палили в них.

– Бумага-то на мишени найдётся? – спросил я.

– Найдётся, как не найтись. Копейка за лист.

– Уважаемый, целая копейка за лист бумаги? А это не слишком?

– Так ведь у меня тут не лавка, ваша милость, – слегка развёл руками тот.

– Понятно. Вот пятак за пять листов, – покачал я головой на двойную цену за канцелярию.

После чего вооружился пером и быстренько намалевал в центре каждого листа по чёрному кругу. Так себе мишень,

но с сотни шагов я их рассмотрю, а стрелять дальше вряд ли придётся, уж больно неточен гладкоствол на больших дистанциях.

Овраг обнаружился именно там, где и указал смотритель. Довольно глубокий и широкий, на его дно вела косая тропа по склону. Щит стоял в конце прямого участка протяжённостью в двести пятнадцать шагов. Вот так я теперь могу.

Не скажу, что определил расстояние с ходу, пришлось кое-что прикинуть, ковыряясь в памяти, но это всё же работало. Я ещё и своими ногами промерял, чтобы убедиться в правильности своего вывода. Полагаю, что в будущем это будет происходить походя. Чем я хуже других пилигримов?

Закрепил на измочаленном щите из старых ломаных досок листы бумаги и отошёл на огневой рубеж, отмерив семьдесят шагов. Если тут всё будет нормально, отойду чуть дальше. Так, собственно говоря, опытным путём и определю возможности моего огнестрела.

Для начала решил зарядить девятистволку, разложив необходимые принадлежности на удачно подвернувшемся валуне. Подозреваю, что его расчистили прежние посетители стрельбища. Заметны следы от прошлых использований его в качестве стола на огневом рубеже.

Я читал, что в девятнадцатом веке с калибрами была самая настоящая чехарда, пока не пришли к единой стандартизации и не определили строгие допуски. Но либо тут эти времена уже настали, либо дело в конкретном мастере, кото-

рый изготовил с завидной точностью и стволы, и пулелейки.

Первый свинцовый шарик вошёл в ствол буквально вприценку, уйдя к казённой части с тихим металлическим шорохом. Прорыв газов должен быть минимальным, если он вообще будет, ведь даже круглая пуля деформируется под давлением газов, и вполне возможно, что при этом она заполнит имеющийся минимальный зазор. А тогда и точность выстрела должна получиться... Ну по меньшей мере сродни пуле Нейслера.

Я много чего успел изучить при подготовке к путешествию. Даже бездымный порох «изобрести» смогу. Вот только одна засада. Тысяча восемьсот пятьдесят четвёртый год подразумевал повсеместное использование капсюлей. Но в этом мире ударные составы отсутствовали как класс. А я только того и знаю, что в капсюлях применяется гремучая ртуть да азид свинца. Предполагаю, что как раз руны-то и затормозили химиков в данном направлении...

Зарядив девятистволку, прицелился в центр одного из листов. Снова это ощущение рун. И что самое интересное, я знал, какая где находится, и мог активировать их по своему усмотрению в любом порядке.

Ну что сказать, точность боя оказалась вполне на уровне. Для круглой пули на полсотни метров попасть в круг диаметром примерно в пятнадцать сантиметров, а на сотне в тридцать это очень хороший результат. Качественная выделка стволов и пулелейки, что тут ещё сказать. Но всё же я на-

меревался существенно улучшить этот показатель. Просто именно сейчас у меня для этого возможности нет. Зато имеется время и желание, остальное же приложится.

Глава 7

Волколак

Отец и впрямь резал углы по просёлкам, где только мог. Как ещё верхом не отправился. Впрочем, Талызин ведь сказал, что мы в порядке, так и чего горячку пороть. Поэтому он приехал в четырёхместной коляске, которой мы в основном пользуемся для летних поездок.

– Господи! Роман, что с твоим лицом? – увидев меня, сразу же возбудился он.

Сорок семь, мужчина в самом расцвете сил, высок, строен, что лишний раз подчёркивает качественно пошитый сюртук, но не сказать, что так уж крепок телом. На фоне матушки он атлетическим сложением не блещет. А всё потому, что волхв и особого внимания физической форме не уделяет. Это воинам и рунным мастерам приходится соответствовать, волхвы же и без того способны показать, где раки зимуют. Если я могу гордиться тем фактом, что у меня коэффициент пропускной способности каналов составляет одну целых шесть десятых, то для них это в порядке вещей.

К примеру, отец всего лишь на год старше матушки, но если она не так давно взяла шестой ранг, то он уже подбирается к седьмому. А разрыв между этими ступенями составляет порядка тридцати двух лет. Вот такие дела.

– Поранили малость, а после я умудрился заколоть четырёхрангового его же кинжалом с «Упырём», – пожал я плечами.

– И остался жив?! – не смог сдержать удивлённого восклицания отец.

– Прости, в следующий раз непременно помру, – ухмыльнулся я, припомнив, насколько мне было хреново.

– За языком следи. М-мальчишка, – хмуро бросил он, сняв цилиндр и промокнув платком лоб.

– Больше не буду. Но нет худа без добра. Зато я уже имею второй ранг.

– И испорченную физию. Ладно, найдём лекаря.

– У нас Аня в университете, а Игорь в кадетском корпусе. Мне ведь не завтра жениться, так что успеется ещё.

– Больно много, как я погляжу, ты взялся рассуждать, Роман.

– Так ведь по делу говорю, отец.

– По делу или нет, то не тебе решать. Матушка где?

– В комнате отдыхает.

– А ты, стало быть, пострелять ходил, – кивая на мой арсенал, спросил он.

– Так и есть. Матушка мне трофеи отдала, вот и набиваю руку.

– Знатные трофеи. Но по руке ли тебе?

– По руке, если не палить из всех стволов разом.

Когда отец вошёл в занимаемую нами комнату, матушка

уже проснулась и успела привести себя в порядок. Так что мужа встречала при полном параде. Насколько это вообще возможно в условиях почтовой станции. Отец обежал супругу взглядом в поисках возможных повреждений, хотя и знал, что с ней ничего не случилось. Потом сграбастал в объятия и шумно выдохнул как человек, у которого буквально камень с души свалился. И как только ему выдержки хватило на разговор со мной? Впрочем, чего это я, сын же как-никак. Хотя-а-а... Ай, ладно. Чего ковыряться.

– Господи, Саша, ты поехала в Тулу, чтобы просто забрать Рому из гимназии, – отстранившись и сжав ладонями её виски, укоризненно покачал он головой.

– Прости, – с виноватой улыбкой ответила она.

Он ничего не ответил, впившись в неё поцелуем, и я поспешно прикрыл дверь, не желая мешать родителям. Да, им уже под полташок, но кто сказал, что к пятидесяти жизнь заканчивается. Уж не я это точно. Сердце кольнуло. Светка и в пятьдесят умела включать игривую девчонку, чем невероятно заводила меня, я в свою очередь распалял её, а заканчивалось это феерическим всплеском чувств и эмоций. Ну вот не поворачивается у меня язык назвать происходившее между нами просто сексом. Пафосно? Да идите вы в задницу.

Разложив свой арсенал на столе в обеденном зале, я купил у зрителя ещё один лист бумаги и выпросил во временное пользование свинцовый карандаш. Понятно, что

я забрал из гимназии свои принадлежности, оставлять их в дортуаре¹ глупость несусветная. Тут проживая, нельзя быть уверенным в их сохранности, что уж говорить, если оставить сундучок без пригляда на пару месяцев. Хорошо, как он сам останется. Но вещи в комнате с родителями, и туда мне ходу нет.

Давно не брал я в руки карандаш. В последний раз за пару дней до того злосчастного выхода, когда меня достал-таки дрон. Даже дрожь в пальцах появилась, а по телу пробежала волна возбуждения и нетерпения. Однако стоило прикоснуться карандашом к бумаге, как осталось лишь ощущение приятного пульсирующего комка под ложечкой, а рука обрела уверенность и твёрдость.

Мне рассказывали, что пилигримы, обладая способностью отстраняться от тела и абсолютной памятью достаточно быстро учатся рисовать в стиле гиперреализма. Тут всего-то и надо, что приложить старание и усидчивость. Но это явно не мой случай. Старание да, без него ничего не получится, кроме скетчей, которые вообще рисуются сами собой, выражая моё настроение. А вот усидчивость мне не нужна от слова совсем. Потому что я ничуть не напрягаюсь, получая лишь чистое и незамутнённое удовольствие.

Вообще-то, свинцовый карандаш не совсем тот инструмент, с помощью которого можно было бы рисовать в стиле

¹ Дортуар – общая спальня для воспитанников в учебных заведениях с постоянным проживанием (*устар.*).

гиперреализма. Рисунок получается качественный, но весьма бледный и бедный на оттенки. А это главное в данном стиле. Выходит хорошо, но достичь сходства с чёрно-белой фотографией попросту нереально. Впрочем, как раз с сегодняшними фото очень даже сопоставимо.

– Что это у тебя? – услышал я за спиной голос отца.

– Да так, коротаю время, – обернувшись, ответил я.

– Саша, посмотри, как наш сын наловчился рисовать. От светописи² не отличить, – взяв со стола мой рисунок, произнёс он.

– И сколько тебе нужно времени, чтобы нарисовать его? – спросила матушка, всматриваясь в своё изображение.

– На этот мне понадобился час.

– Всего-то в четыре раза дольше, чем в салоне светописи, – хмыкнул отец.

Это он несерьёзно. Ведь видно, что прорезавшийся у меня талант его явно порадовал. Матушка была права, когда говорила о том, что он любит прихвастнуть достижениями своих детей, и сейчас у него появился для этого лишний повод. А я что, мне не жалко. Чем бы родитель не тешился.

– Зато мне не пришлось четверть часа стоять, замерев в одной позе, не моргая и не меняя мимику лица. Это утомительно, знаешь ли, – парировала матушка.

– Туш-ше, – подняв руки, признал он своё поражение.

Несмотря на то, что к вечеру на почтовой станции вновь

² Светопись – устаревшее название фотографии в девятнадцатом веке.

прибавилось проезжего люда, для меня всё же нашёлся отдельный уголок, пусть им и оказался чулан. Вот ни разу не горю желанием встреть между родителями, которых сложившаяся ситуация прямо-таки разохотила. Видно же, что одного скоротечного раза им явно недостаточно.

И утром я лишний раз убедился в правильности своего решения. Уж больно довольными они выглядели. А из глубины взгляда матушки пропала затаившаяся там тревога и чувство вины...

Антон и Ерёму отец решил везти в имение и похоронить на погосте со всеми почестями, чтобы крепостные видели отношение барина к тем, кто отдал за господ свою жизнь. Кроме того, он собирался выделить ещё и по пятнадцать рублей каждой семье, потерявшей кормильца. Ну и заботу о них взять на себя, не без того.

Впрочем, в любом случае позаботился бы, не дело, чтобы крепостные горе мыкали. Он у меня вообще хозяйственный. За свой счёт снабдил все семьи железным инструментом и даже германскими плугами. А один такой, на секундошку, стоит не меньше двадцати пяти рублей. В общем же обеспечить семью современным инвентарём обойдётся минимум в пятьдесят.

Глупость? Вовсе нет. Вот его отец, тот да, большим умом не отличался, и крепостные при нём упихивались на барщине так, что продыху не знали. И плевать ему как-то было, палками они ковырять будут землю или плугом пахать, хоть

кишки на кулак намотай, а положенное сделай. И делали как-нибудь, и на выходе получалось хоть что-то.

Отец сейчас всё больше в крестьян вкладывается, но даже при этом доход вырос до четырёх тысяч, а чуть дальше получится больше. Лично у меня в этом нет никаких сомнений, потому как он отказался от барщины, переведя крестьян на оброк, ну или на аренду. И нет, сельхозинвентарь им выдаётся не бесплатно, а в рассрочку с отложенными платежами. И выплата возможна не полная, а частичная. Уже имеется пара семей, которые рассчитались с барином, выплатив при этом две трети от затраченного им.

Каждый год в нашем имении поднимаются новые десятины целины. А всё потому, что крестьяне заинтересованы в труде, ибо с них не берут сверх договорённостей. Без понятия, как оно будет при моём старшем брате, что наследует отцу, но происходящее сейчас я могу лишь одобрить. Отец у меня прогрессивных взглядов. Во всяком случае, на фоне других. И исходя из полученного им воспитания...

Родители разместились в карете, на облучке которой устроился один из прибывших слуг. Второй правил коляской, в которой закрепили подмороженные в леднике тела погибших. К ней же привязали четыре трофейные лошади. Пятую, лучшую из них, по мнению станционного конюха, обихаживавшего животных два дня, я решил оседлать.

У реципиента имелся опыт верховой езды, хотя и не сказать, что столь уж богатый. А вот своей лошади не было, так

как лишних денег в семье не водилось, чтобы обеспечить живым транспортом каждого из нас. Однако ситуация изменилась, и судя по всему, отец решил не продавать лошадок. Да, они не из лучших, но вполне себе твёрдые середнячки и под седлом смотрятся вполне на уровне.

Я посчитал, что мне не помешает набраться опыта, а главное – набить задницу. Попробуйте как-нибудь прокатиться на велосипеде после длительного перерыва, и вы сполна насладитесь отбитой пятой точкой и натёртыми бёдрами. В случае с верховым седлом всё гораздо хуже. В разы хуже. Так что практика, практика и ещё раз практика.

Отец и в этот раз решил ехать не по тракту, а резать углы по просёлкам между поместьями, порой сворачивая на пересекающие их. В этом нет ничего зазорного, и хозяева на подобное обычно смотрят вполне доброжелательно. Разумеется, это не относится к случаям вражды или тяжб. Тогда одним только недовольством может и не обойтись.

Ехать постоянно со скоростью кареты невероятно скучно, поэтому я то и дело вырывался вперёд, после чего разворачивался и скакал навстречу. Или нарезал круги, обследуя окрестности, скача по выпасам и неугодыям. Взялся на возвышенности и спускался с них. Порой склоны были достаточно крутые. А то и съезжал в овраги, из которых затем выбирался. Брал препятствия в виде кустов или широких промоин. Всё это опыт, который оседает во мне как в копилке. Только у обычных людей его наработка занимает

годы, мне же на это времени требуется на порядок меньше. Заморить коня не боялся, ведь на этот случай имелись ещё четыре...

Я, конечно, одарённый, но дело было не в рунах и Силе в принципе. Они не давали такой возможности. Сработала чуйка штурмовика, невероятно обострившаяся за три года на передке, которой я привык доверять. И пару раз мне это реально спасало жизнь. Вот и сейчас, скача по дну очередного оврага в поисках удобного подъёма на его склон, я не стал пытаться понять, что именно не так и отчего под ложечкой засосал холодок.

Выдернул ноги из стремян и, схватив карамультук за шейку приклада, откинулся на спину. В это мгновение надо мной промелькнула какая-то тень. Всё ещё не понимая, что или кто это, я перекатился через круп лошади, поскакавшей дальше, и приземлился на ноги.

Хрен бы с два у меня такое получилось, если бы не телесные руны, и в частности, «Ловкости», плетения которых я закачал Силой и благодаря высокой пропускной способности каналов без труда поддерживал в активном состоянии.

В пятки ощутимо толкнула земля, я не удержался и, влекомый инерцией, упал на четвереньки. Но не сумел удержаться и в этой позиции, кувыркнувшись через голову, отметив краем сознания, что конь, взбрыкивая, унёсся дальше.

Пока летел кубарем, услышал над собой сдавленный рык. И когда остановился, вместо того чтобы подниматься на но-

ги, перевернулся на спину. В этот момент раздался очередной рык, и на меня метнулась какая-то стремительная тень. Я принял её на ноги и перекинул через себя, в недоумении отмечая, что это волк. Бог весть с чего, но мне вдруг вспомнилось, что эти хищники не нападают на человека, если только не подранки и не голодной зимой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.